

Смена

НОВОБРАНЕЦ
ОЛИМПИАДЫ:
ТРИДЦАТЬ
ВОРОТ
НА БЫСТРОЙ
РЕКЕ

№ 16 АВГУСТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
МОСКОВСКОГО
КОМСОМОЛА
ТАМАРА
СИНЯВСКАЯ—
ПОБЕДИТЕЛЬ IV
МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА
ИМЕНИ
ЧАЙКОВСКОГО.

■
ЧТО РЕШАЕТ
СУДЬБУ МОЛОДЫХ
ИСПОЛНИТЕЛЕЙ?

■
КОНКУРС—
САМАЯ ШИРОКАЯ И
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ПРОПАГАНДА
МУЗЫКИ.

Через несколько минут участники конкурса соберутся на жеребьевку...

КОНКУРС

Анатолий АГАМИРОВ,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

МАЛЕНЬКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ...

Музыкальные конкурсы. Вспомините, сколько их: международных, национальных, городских, областных, курортных, носящих имя какого-либо знаменитого музыкального деятеля, прям-таки от легендарного Орфей, а тут, глядишь, и сам победитель конкурса, будущий звезда... Вам Крайберг решил дать свою маленько-международную составацию в Тельсе... Словом, музыкальные конкурсы сейчас есть звезды и проходят повсюду, охватывая целиком многолюдную, противоречивую, интересную, а, главное, любимую нами по-разному, но столь необходимую каждому музыку. Многие считают, что можно соединить этот элемент для конкурса, решительное преимущество перед обычным концертом. Вот в чем штука. Не просто концерты для любителя эстрадной или классической музыки, а противоборство индивидуальностей, стилей, направлений. Следовательно, и не заглядывая в энциклопедические словари, мы отыщем конкурсы в области пения, во всех музыкальных созидааниях. Да, состязание во всем спортивном значении этого слова. Аналогий со спортом здесь множество, и придется к нам прибегать постоянно. Но все-таки насколько легче спортсменам и их судьям! Там масса

объективных моментов: меры, секунды, голы, Фотопленки на финише, апелляционная комиссия и т. д.

А музыка... вернее, музыкальные конкурсы! Все очень сложно. Четких критериев нет и быть не может. Члены жюри руководствуются только собственным вкусом. Ставят баллы, стараясь быть, конечно, объективными, но говорят, что самое главное — это музыка с другим ее любителям, как тотчас же понимает, что тем она и чудесна, что каждому дает свое, неповторимое, глубоко личное. Спорить бессмыслиценно, лучше находить общие радостные моменты. Жюри международных конкурсов, во всяком случае, стараются действовать объективно. Их председатель «Суздальской коллегии» на любом международном конкурсе — созвездие мировых имен, знаменитости, представляющие не только разные страны, но и направления и школы. Это должно способствовать некой «абсолютности» решений. Но, пожалуй, ее нет в реальности да и быть не может. В соответствии с модой, предлагали окончательное решение предоставлять электронной машине — было что-то в этом роде то ли в Канаде, то ли в

Триумфатор конкурса вокалистов — молодая певица Тамара Синяевская.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 16 [108]
АВГУСТ
1970

Наша обложка: на трассе водного слалома.

Фото Виктора БОРОБЬЕВА

Фоторепортаж «Сибирь по поднятым стопам» — на страницах 20—21

12 МОЛОДАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ.

14 КОМСОМОЛ ВЫПОЛНЯЕТ РЕШЕНИЯ ИЮЛЬСКОГО ПЛЕНАРУМА ЦК КПСС. Репортаж со строительства Яванская оросительной системы.

18 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЫ»,
Малоизвестный рассказ
Льва Кассиля.

28 КЕНТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
СМЕРТЬ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ».
БЕСЕДА С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ
ТЮМЕНСКОГО ОБКОМА КПСС Б. Е. ЩЕРБИНОЙ

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ БРИГАДЫ
МОЛОДЫХ ТЕКСТИЛЬЩИЦ ИЗ ЧЕРНИГОВА

«КРУГОЗОР СОВРЕМЕННИКА».
СОЛНЦЕ САРЬЯНА

Главный редактор А. Д. ГОЛОУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Дзиматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Краснов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Е. Луцкий [заместитель главного редактора]; Е. И. Рябчиков, Г. В. Секенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный художник].

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

ФРГ,— но где взять для нее исходные данные, не в скорости же пальца музыкантов, в самом деле, или в «послужном списке» Электроника пригодилась лишь при поиске баллов, годинки и т. д. Но в концерте наше арбитр все свои художественные впечатления, свои восторги и сомнения, свое музыкальное « кредо » выражает в совершенно конкретной цифре. И она, только она решает дальнейшую конкурсную судьбу музыканта, да и не только его судьбу, как правило, автора. Всё же решительные высокие суммы на крупнейших международных соревнованиях достаточно правильны, они продиктованы колossalным историческим опытом музыки.

Конкурс имени Чайковского предстает наиболее объективным. Там музыка русская, привычна исполнителям, отражает характер соревнований, но участникам предоставлена возможность показать себя очень полно и в музыке старинной, и в современной, и в своей национальной. Другие конкурсы с девизом или без него более «общи» по программе. Такие, например, конкурсы мастеров и героями которых королевы Елизаветы в Брюсселе. На конкурс, носящим ее имя, связаны многие незабываемые впечатления, в частности первые международные успехи наших исполнителей, среди которых достаточно назвать Эмилля Гилельса, Давида Оиспракса, Левина Генрикса, Татьяны Гундариной, конкурса юных мастеров имени королевы Елизаветы в Брюсселе. Программа огромная, требующая почти немыслимой разносторонности,— на последнем туре надо, кроме заранее разученного концерта, сыграть еще один, написанный специально, белгийским автором. Ноты участники получают примерно за неделю до концерта, разучиваются совершенно неизвестную им музыку в условиях полной изоляции. Ох, как это все трудно! А вот московская пианистка Катя Новицкая победила в Брюсселе, когда ей исполнилось только шестнадцать лет. Конкурс имени Патакинии в Генуе. Здесь могут побывать только виртуозы. В соответствии с традициями наследием скрипачки Николы Паганини, Музыканты-романтики собираются в Польше почтить память великого лирика Шопена, на баховском конкурсе предпочтение полу-

чают музыканты мудрые, эрудированные исторически. В Финляндии очень трудно правильно уловить стиль Сибелеса, где за некоторой «северной сдержанностью» надо почувствовать светлую и кристальную чистоту души композитора. Женева — «сердце» европейского центра фессионального мастерства. Там есть возможности для соревнований и у оркестровых музыкантов и у предпочтитающих камерное музикование...

Для победы на конкурсе имени Чайковского в Москве необходимо все выше перечисленное...

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА —

так называла конкурс в Москве парижская газета *«Л'Ид»*. Действительно, некоторое сходство с современным спортивными олимпиадами имеется.

Советское землемерение в области на развитие музыки, периодичность — конкурсы проходят как и олимпийские игры, раз в четыре года. Начало было положено в 1958 году. Тогда состязались только скрипачи и пианисты. В 1962 году к ним присоединились виолончелисты. Спустя четыре года в соревнование включились скрипачи. Программа охватывает весь объем музыки Чайковского — от романсов и маленьких пьес до концертов с оркестром и оперных арий. Главное же в том, что музыка эта диктует творческий настрой конкурса.

Она влечет в своем горячем блеске великого сердца, своих строгих и близких страстей, многогранной радости и горести, в столь популярных и знаменитых мелодиях, в страданиях за лучшую человеческую судьбу и — гуманизме, выраженным ясно, недвусмысленно, с присущей гению откровенностью и силой! Да что там! Пронзитеся вслух... Чайковский. Музыка. И значение конкурса?

Публика отнеслась к последнему конкурсу с огромным вниманием. Она и раньше обожала его. Но чтобы на утренних прослушиваниях первых туров зал был наполнен до отказа — такого не водилось. Число участников рекордное: две hundred пятьдесят два человека... Не будем знакомить вас с результатами кон-

курса подробно. Об этом достаточно писалось и говорилось. Важнее то, что он не был похож на предыдущие три. Первый был в новинку, но ся характер сенсационных открытий. Вспомним только совершенно беззыгий успех Юрия Башмета, занявшего первое место в Москве стал любым и знаменит во всем мире. На втором конкурсе выились несколько ярких индивидуальностей. Вообще, собственное, оригинальное отношение к музыке играли тогда решающую роль. Те же пианисты: как была неожиданно порывиста романтическая игра Юрия Башмета, так и ярко-красочная игра молодого тогда английчанина Джона Одгана! В 1966 году победили профессионалы высокого класса, причем очень молодые. Уровень игры скрипача Виктора Третьякова или пианиста Григория Соколова был открытым и одновременно свидетельством стремительно растущего исполнительского мастерства.

Наконец последний конкурс, вы знаете, что он увенчалася безупречной и очень убедительной победой молодых советских музыкантов. По всем дисциплинам конкурса они были первыми, и лишь у пианистов первое место было разделено между советским и английским музыкантами. Правда, виолончелисты из оторванных зарубежных специалистов, бывших на конкурсе, единодушно: советская музыкальная молодежь была не только лучше подготовлена, — ее творческий кругозор, понимание нелегкого исполнительского искусства оказалась в целом ряде случаев выше, чем у них коллег из других стран. Конечно, Краснодар, Чернушка, польский виолончелист Казимир Вилкомирский, победили не только отдельные музыканты одной страны, — победила система художественного воспитания, основанная на лучших традициях мировой музыки, на прочном фундаменте общественной заботы об эстетическом и интеллектуальном формировании молодого поколения.

Среди наших победителей конкурса, конечно же, большинство — комсомольцы. Например, певица Тамара Синявская была делегатом XVI съез-

Трудный пассаж. Вдохновение. Само тяжелое поздно. (Участница конкурса виолончелистов Гейл Смит, США.)

да ВЛКСМ и является лауреатом премии московского комсомола. На конкурсе имени Чайковского она разделила первую премию со своей коллегой по Большому театру Еленой Образцовой. А вокалистка из Киева Елена Степанова, последовавшая съезде комсомола из Москвы, стала лауреатом Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ. В этом характернейшей особенностью нашей творческой молодежи. Она всегда активно участвует в общественной жизни страны, отнюдь не замыкаясь профессиональным кругу.

Ведущий также выступил с формированием «творческой линии». Последний конкурс имени Чайковского поставил множество проблем. Многое изменилось в игре музыкантов за эти четыре года. Все стали хорошо играть! По каждой дисциплине конкурса у жюри возникли трудности номер один — критерии отбора. Одни очень суровы. Телевидение стало известно, что решения принимались с учетом сотни долей баллов. Борьба была попросту жестокой, но победили те, кто и должен был победить...

ТОВРСЧЕСКИЙ МОМЕНТ...

Сфера художественной стало ясно, что для победы на конкурсе творческого уровня просто владеть своей профессией, быть блестящими исполнителями теперь мало. Скрипачи римлянина Кремера, участники Московской консерватории, лауреаты Дикон Лилл, его коллега пианист Владимир Крайнев, японская скрипачка Масами Фудзикава, певица Елена Образцова — музыканты, о профессионализме которых и говорить как-то неудобно. Мастерство здесь само собой разумеется и служит подспорьем для нового прочтения старых произведений. Это годы юности, годы, но совершенство самостоятельно и органически мыслишься. Они великолепно выучены, свободно ориентируются во всех стилях и эпохах. Но это еще и новое поколение в музыке, артисты, чьи мироощущения сложились во второй половине нашего века. Своеобразное отношение к музыке побуждает их побогаче высказаться на конкурсе во всеми голосами. А риск имелся. Проторенные пути

удобны и при обгоне... Но наблюдалась на этом конкурсе в Москве и другая тенденция. Некоторые молодые музыканты явно переоценяли спортивную сторону происходящего. «Супертремолы», утирающие эмоции, эффекты, лежащие по другую сторону художественного вкуса. Грешат здесь чаще всего американские пианисты, которых приехали на конкурс давать три!

МОМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ...

Он играл на нынешнем конкурсе имени Чайковского чрезвычайную роль: утилизация и определенное развенчание сил и спортивной стороны состязания. Любопытно, что на конкурсе начала свою исследовательскую работу группа ленинградских археологов. Несколько лет назад до сих пор вспоминали пользователи пианинных спортсмены. Но уж коль в музыке тоже есть соревнование, то, конечно, необходимо разработать его психологические аспекты. Впрочем, торжествовал не новый принцип: «Побеждает тот, у кого крепки нервы». Хорошо, что обстояло дело не так просто. Молодежь выиграла у пианиста Викторию Ялинг проклятия в победе залогом до конкурса. Делалось это с полным основанием: люди, хорошо осведомленные о положении дел на «виолончельном фронте». Разговоры не были для Ялинг секретом. В самом деле, она музыкантка очень яркая, опытная, имеющая ужеенную скрипичную соревновательную победу. И вот Ялинг начинает играть на конкурсе имени Чайковского. Уверенно, солидно, но с ощущением «первой» премии в кармане. Ошибки не замедлили сказаться. Сначала досадовые просчеты в мелочах, а за ними — нервозности. И вот вторая турнирная смычка — история Ялинг получает, правда, очаровательную, но вторую премию. Победитель — советский музыкант Давид Герингас, кроме прочих достоинств, психологическишел к победе вернее.

Триумфатор у вокалистки Елены Образцовой тоже была уверена в победе, как она сама потом призналась. Голос ее привнес в конкурсное здание — петь, как будто это не конкурс, а большой парадный концерт. Только

ко для публики, очень квалифицированной и строгой.

МОМЕНТ ТАТИЧЕСКИЙ...

На конкурсе нельзя что-то играть, что-то слабее. Публика просит знать смысла, если ты артистичен, эффектен в некоторых произведениях. На конкурсе жюри не может позволить себе пропустить потрясности даже виду большого потенциального дара молодого музыканта. Конечно, все ставится выше. Но пресловутый соревновательный элемент — иначе, чему больше играть на конкурсе? — сказала одна очень молодая и известная пианистка. — Планец соколенок из клавишницы. Случайность. А последние на всю жизнь...» Дело обстоит не так трагично, но доля горького истин в этих словах есть. Конкурсы музыкантов обладают, по силам не уступающими народным соревнованиям, тем же характером. Но в третий раз на конкурсе, на второе более собранный, целеустремленный и смелый. Время спешит с волением: здесь нет, возможности реабилитироваться себя в следующем туре минимальная. Пример нынешнего конкурса. Американский пианист Андре Лотто. Победитель многих международных соревнований, он не заслужил места. До начала конкурса входил в числе возможных лауреатов. К первому туру отнесся тактически неграмотно. Расценив его как просто отборочный, где можно не выкладываться. Первое впечатление публики и жюри — разочарование. И преодолеть его потом не удалось... А как блестче было в дальнейшем — победа скрипача Гидон Кремера! Первые два тура — на высшем уровне. Третий тур — и оказалось, что все-таки Кремера мы до сих пор плохо знали. Тут-то он и доказал свою привлекательность к мировой скрипичной элите.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ...

Дикон Лилл, так удачно выступивший в Москве на конкурсе (конкурс, который был первым в его жизни), сказал, что в наши дни, по его подсчетам, музыканты должны беспомощно переговариваться с состязанием на состязание, ванико только успевать к началу

и вспоминать подавать заявки... Либо британские артистки. А конкурсов, между тем, каждый год в мире проходит около трех тысяч! Без них, помимо них за последние время не выдвигнулось ни одного молодого исполнителя. Такое положение устраивает далеко не всех. Многие солидные музыканты резко отзываются о конкурсе как о системе. Оно, конечно, следующее не всесоюзное обобщение на конкурсной игре в силу причин и творческих и психологических. Справедливые возражения вызывают случайности, иногда решающие на конкурсе судьбы молодых. Все верно. Музикальные соревнования, метод их проведения нуждаются и в совершенствовании в реальности. Возможно, кроме них, мы можем организовывать фестивали молодых исполнителей без распределения призов мест. Такие мероприятия вместе с конкурсами позволили бы более объективно судить о музикальной молодежи.

Но публика любит конкурсы все больше и больше. Если мы хотим иметь борьбу в соревновании с высоким искусством привлекает больше всяческого. Вспомним залы нынешнего конкурса. Кийяди и страсти. Массы людей с блокнотами, где представляются собственные оценки. Споры в ожидании решения жюри. В музыке истинно торжествует гораздо чаще, чем в спорах. Она из цели конкурса — способствовать в скорейшем выявление. Для искусства, для той публики, которой оно служит — в «высшем смысле», как говорили героя Достоевского, — конкурсы способствуют делу самой широкой и демократической пропаганды МУЗЫКИ. И посему они прекрасны.

На конкурсе, нынешнем, имя Чайковского — это несомненная радость для очень многих — еще не раз заставит нас и воссторгаться, и волноваться, переживая незабываемое время приобщения к великому искусству.

Неподражатель и публика. Победитель среди пианистов — москвич Владимир Крайнев.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Воспоминания тех, кто знал его еще маленьким, тоже, конечно же, вспоминаются в студенческие годы его жизни, содержит много характерных перекличек, порой даже похожих на повторы. Всем запомнились примерно одни и те же качества его ума, характера и черты наружности. Причина этих совпадений лежит, конечно, не в авторах воспоминаний, а в Александре Ильиче, в удивительной целостности его натурь. Семейное воспитание и образование дали ему духовные и физические твердь, какие не сумели расшатать ни возрастная ломка отрочества, ни жизнь вдаче от родного дома, ни роковые события в его жизни и смертный приговор.

Образование его личности проявился так рано, что он, не самый старший ребенок среди детей Ульяновых, стал признанным кумиром своих сестер и братов, а также их друзей и знакомых. Примечательно, что тогда, как потом Александр Ильин сознательно не стремился быть центром чего-либо, — появляет нам старая сестра Арина Ильинична. Отметим сразу: сила внутренней сдержанности, заключенная прежде всего во взгляде, жесте, в суждении, выказывавшемся тихо и твердо.

«Он пример и вляжение в семье не может быть переданным», — писала Ильинична Глебу. И это оно имело в виду и себя, старшую сестру, но еще в большей степени следующего брата, Владимира Ильича. «С наступлением некоторого сознательности, — так, лет с 5—6, — рассказывает Арина Ильинична об этих годах жизни Владимира Ильича, — старший брат стал для него высшим авторитетом, предметом гордости любви и подражания». О чем бы в те годы ни спросили Владо, он отвечал неизменно: «Я — это Владимир Ильин».

Арест Александра Ильича был полной неожиданностью для семьи, а его казнь — страшным несчастьем, которое в семье ожидало, но в душе все-таки не верили, что оно свершилось.

Общественность слова Ленина, которым он произнес, когда узнала о гибели брата: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». На трагическую ошибку старшего брата, верившего в то,

когда ступел на пленку, и как на ошибку историче-

ской судьбы, смотрела большинство людей. Но и это было не так, когда про человека можно сказать: тут он весь! Ведь академии, замечено, как живут, так и умирают. Александр Ильич, постоянно серьезный, по словам старшей сестры, «епецительно страданный на словах», всегда чуждался какой-либо игры на окружающих, осталась верным себе и в последнюю минуту — был молчалив и спокоен. Но каким же образом Александр Ильин сумел убедить, чтобы бодро взойти на эшафот, на котором традавший не во взоре — не на сцене театра, а наяву — в странных мужах расстались с жизнью трое товарищей...

Все времена, пока изучение материалов, посвященных жизни Александра Ильича, мысли неоднодолично и даже противоречиво. И, наверное, это идет от суеты, от последнего дня и часов, причем, чем что либо, освещает облик этого юноши, помогает понять материально опуштить мужество как высшее со-
стояние человека...

В царствование Александра III казни политических преступников стали совершаться в тайне. Прежде процедура — казнь на виду у всех — электризовала толпу, сеяла семена будущих мятежников, жертв, арестов. И, наверное, поэтому, когда Ульянов и его товарищи, мы учились на допросах министра внутренних дел Царя, отчета, составленного в протокольном и, по-видимому, во всем точном духе: «Винду того, что mestностъ Шанселльбургскаго губерніи не представляла возможности казнить всех пятерых одновременно, эшафот был устроен на три человека, и первоначально выведен для совершения казни Генералов, Александровича и Соловьева, которых, несмотря на то, что они изменили друг с другом, приложились к кресту и бодро взошли на эшафот, после чего Генералов и Александрович громким голосом произнесли: «Да здравствует «Народная воля!» То же самое намеревалась

сделать и Осипянин, но не успел, так как на него было наложено мешок. По сиятии группу вынесенные казнеными преступников были выведены Шевцовым и Ульяновым, которые также бодро и спокойно взошли на эшафот».

Рамки избранной темы позволяют мне остановиться на изображении лица Александра Ульянова. Он ведет себя замечательно, но так, когда про человека можно сказать: тут он весь! Ведь академии, замечено, как живут, так и умирают. Александр Ильич, постоянно серьезный, по словам старшей сестры, «епецительно страданный на словах», всегда чуждался какой-либо игры на окружающих, осталась верным себе и в последнюю минуту — был молчалив и спокоен. Но каким же образом Александр Ильин сумел убедить, чтобы бодро взойти на эшафот, на котором традавший не во взоре — не на сцене театра, а наяву — в странных мужах расстались с жизнью трое товарищей...

Когда в Симбирске узнали, что сын покойного действительного статского советника И. Н. Ульянова Александр покушался на жизнь императорской особе, гимназическое начальство высыпало ученику Володе Ульянову такой упрек: Вот ведь какой сын бывшего бригадира! Мне же кажется, он все что наделал. Хотя в то время уже было приведено множество примеров, когда ученики не оправдывали наследия учителей, все же легко представить, какое смущение поселялось в душах симбирского общины. Веда Саша Ульянин с первого по последний год учения была образцом трудолюбия, привлекательности и воспитанности.

Сохранявшее школьное сочинение Александра Ильина, написанное в 1903 году в возрасте 15 лет, носит название «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Переписан также необходимые условия, как честность, любовь к труду, твердость характера, он увенчивает свои рассуждения проповедью в пользу разума и знаний. «Человек, стоящий на низкой степени умственного развития, не сможет ясно понимать, что полезно обществу, и не может, следовательно, принести обществу пользу. Поэтому для того, чтобы быть необходимым человеку, так же, как и для общества: без него деятельность человека может принести ложное направление...» Даже по этому короткому отрывку, как по отдаленному отблеску громкой ракеты, видно, каким огромным внутренним подвигом шла в молчаливом темногазом подростке Александр Ильин по сиделству родных и друзей детства, не любя ходить в гимназию, тяжело переносил ее духовный климат. Самым большим

удовольствием для него было уединение в каком-нибудь закутке дома с книгой, опыты по физике и химии, за что он отцом Ильмом Николаевичем и был в шутку прозван «философом в пустой кухне». Был какой-то момент в его жизни, когда он перестал быть учеником своих гимназических учителей. Осталась только внешняя сторона, так часто обманывающая даже самых искусенных педагогов.

Позже Илья Чайковский, вспоминая о своем первом учителе, воспринимался гимназистами, но поступившим Ульяновым по особом утром, обозначившим его, но вовсе не в том духе, в каком ходят бы власть предержащие. Даже такое раннее увлечение Александра Ильича, как химия, привело бы будущему революционеру. Когда группе понадобился диплом, Александр Ильич изготовил его в короткий срок из подручных материалов. Но, чтобы сладко спать, решил написать, что это диплом, полученный лишь технической обстановкой, на допросе Александр Ильич в чистой словесной манере — строгой, несколько скучной — поясняет: «Что же касается до моего практического и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, то есть все то, которое даволазано мне мной способностью и силами моих знаний и убеждений!» (Александр III, внимательно изучавший все материалы следствия, вспоминает: «Ульянов, во время допроса на полах оставил пометку: „Эта откровенность должна трогательна!“). На суде Александр Ильич скажет: «Я могу отнести к своей ранней молодости то смущенное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проявляясь в сознании, привело меня к убеждению, которые руководили мною в настоящем случае, которые я изложил в своем выступлении в Адмиралтействе».

Но только после изучения общественных и экономических явлений в России, а также изучения политического строя, вполне во мне укрепилось, и смущенные мечтания о свободе, равенстве и братстве вызвались для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я поняла, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно...» Он поднимется до политических и философских обобщений таков выпытывающей остроты, что судьмы и царю станет ясно, что двадцатилетний юноша уже не из тех, что вспоминает Ростовской инспектории в своем впечатлении, а вечной катархозии и должен быть убит.

«Этот юноша был будто блестящий способностью», — вспоминает писатель А. Сергиевич, лиши-

но знавший Александра Ильича. «Он был молчалив и сдержан, что-то было в нем будто суровое и малознакомое. Но нечто твердое, сильное, умное... всегда чувствовалось, виделся крупный человек» — таким его запомнили одни из учеников Петербургского университета. «Ты молчишь, или все молчишь... — говорил Александр Ильич один студент, — затворишься... — все перед тобой склоняется».

Когда среди студентов Петербургского университета вставала вопрос о руководителе какого-либо дела, то часто взгады всех сосредоточивались на Александре Ильиче. Так, его всегда посыпали депутатом из симбирских студентов в объемистом поволжском землячестве, так, он был избран в совет национально-литературного общества университета, а также в совет студенческого общества — это несмотря на то, что он был членом партии. Илья Чайковский, впрочем, не был членом партии, а руководителем террористической группы Пушкина. И когда машина запорта была уже на полном ходу, а руководителями террористической группы Пушкина были Илья Чайковский и О. Говорухин, оказались к моменту покушения далеко от Петербурга, взялись оставшихся участников группы иновоносцами — Ульяновыми.

Установленным фактом является то, что студент Петр Шевырев предложил Ульянову и другим членам группы создать пропагандистское общество. Илья Чайковский был методом вовлечения в заговор, который применялся Шевыревым: «На вопрос: как велика разница? — отвечал (Шевырев) — Илья [Чайковский] берет в ответ бумагу и пишет: „А. А., Б. В., А. — металлические — склоны утюно. Б — сигнализаторы — склоны утюно. В — химиксы... тоже и т. д. Едине склоны утюно... тактика эта сделала свое дело». Шевырев употреблял в заговоре слово «неоднократно». Когда новички говорили, что неоднократно делают «убийство царя», — тогда, постепенно, конечно, Шевырев, усмехаясь, говорил: «Для вас».

Александр Ильич был в числе тех членов созданной группы, которые считали, что покушение, если относиться к нему серьезно, надо готовить несколько месяцев. Шевырев, постоянно находясь в каком-то возбужденном состоянии, настоя на более коротком сроке подготовки, но сам вскоре изменил свое мнение в Крыму.

«Почему же, однако, замечая, что постановка дела остается желать многого, брат не бросает ее? — задает такой вопрос и отвечает на него Анна на Ильинична. — Потому что для его натуры бро-

сить начатое дело, возложив всю ответственность на товарищей, было прямо физически невозможно. Более того, став фактическим руководителем группы, Александр Ильич, как человек наиболее образованный в политических и философских отношениях среди своих единомышленников, разработал свою идеологическую программу группы, и именно это в первую очередь привнесло драмату заутятому судье в первую очередь при вынесении смертного приговора.

Некоторые люди живут сразу в нескольких потоках времени. В чем-то они значительно старше самих себя, в чем-то наивны, как дети. Александр Ильич и его единомышленники соединили в себе эти качества.

Недавно я покупал члену группы стакан. Адмиралтейский лавщик тарифом пытался, но поразил неосторожное письмо, которое попало в руки полиции. Дата покушения назначается на 1 марта. Почему? Потому что ровно шесть лет назад в этот день был убит Александр П. Члены группы с бомбами в плащах и под мышками ходят около Зимнего дворца, ожидали, когда же царь покажет свое на улице. Они уже заранее написали письмо в газету, чтобы оно было опубликовано 1 марта... Во всем этом виделись не только злость и санкция, сколько юношеская страсть и нетерпеливость.

Но предаст перед судом, все они, за немногими исключениями, отвергли версию злодаков о том, что подготовка к покушению совершилась «с состоянием эффекта». В их речах, реликатах на суде выявлялись до предела зреда ненависти к самодержавию, ко всем формам угнетения человека. Александр Ильинич, вспоминая о своем детстве, говорил: «Мы хотели иметь возможность выражать свои взгляды, пронести в суд такие слова: „Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуются несчастью своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свою идею. Таких людей нельзя запугать тем-нибудь...»

Еще в несколко месяца до вступления в суд я встретил Адмиралтейского лавщика, который торговал членом группы в научную работу. Но ему расспросы, почему он в отличие от многих студентов не вступает в кружки самообразования, Ульянов суроно отвечал: «Боатятся много, а учатся мало. Он не спеши вступить в какую-то революционную организацию, объясняет это одному това-

После опубликования статьи «Экран — друг или враг?» редакция получила много читательских писем, продолжавших разговор о роли кино в жизни молодого человека. Проблемы заинтересовали читателей. Некоторые положения статьи показались им дискуссионными.

А. Холлов из Каракалпакстана не согласен с самой постановкой вопроса: разрыв экран может быть «врагом?» Свои недоразумения он выразил в воспоминаниях о кинофильмах своего детства:

— Я обычайский рабочий-птицек, кино любил всегда и буду любить... Мне сейчас 43 года. Детство, юность, зрелые годы провел в городе Запорожье. Мне на всю жизнь запомнилось коллективное посещение кинотеатра. Кино было для меня особенным, увлекающим зрелищем. Когда я учился в начальных классах, мат и отец говорили: будешь хорошо учиться — будешь получать каждую шестидневку из кино. Кrome того, я помогал маме нянчить меньшего братишку, бегал в магазин за хлебом, исполнялся всяческих поручений. Но я не знал, что это будет приветственный поход в кинотеатр враз лицо смокнет стать событием в их жизни. Они принимают как должное камдневное «телесконо» в мир, расплутывая перед ними. И немногие родители используют сегодня кино как «стимулирующий фактор», обещая за примерное поведение деньги на ки-

ном, потому что утеряны традиции кинотеатра его детства, что сегодняшние ребята в кино не поют песни и читают стихи, что в кино не перестал служить закон, эпохи онкса в мир, что было тридцать лет назад?

Но автор письма... Легко, упустив из вида, что 30-35 лет назад кино было для молодежи едва ли не единственным окном в мир, — ведь не могли же конкурировать с экраном, с его волшебным всемогуществом, пропагандой и привлекательностью, предлагавшей для проявления передних персональных наукинсов. А разве можно забывать, что школьная программа 30 лет назад была чуть ли не наполовину меньше нынешней, а ум в тирахах детской и юношеской литературы, о размерах ежегодных фестивалей, о материальной базе технического и художественного детского творчества и говорить: «Кино не приходится!»

Нынешние дети погружены в культурную среду, чрезвычайно взрослая на наш взгляд, если сравнивать с бытом 30-летней давности. Они, конечно, любят кино и готовы открыть его любому, кто захочет. Но неизвестный поход в кинотеатр враз лицо смокнет стать событием в их жизни. Они принимают как должное камдневное «телесконо» в мир, расплутывая перед ними. И немногие родители используют сегодня кино как «стимулирующий фактор», обещая за

объяснить ребятам содержание фильма и петь с ними песни, это будет хорошо. Но помочь подросткам отыскать «Анненкину — маркизу» ангелов от «братьев Карамазовых» такие мореприятия не помогут. Школьные дискуссионные киноклубы, преподавание основ киноискусства в старших классах — это не то, что возвращает вновь рожденная традиция поможет детским миллионам ребят, объясняет им суть фильмов, которые они смотрят ежедневно.

Видимо, экран может быть все же и «врагом». Свой доступностью, облегченiem несомнительного зрелища, калейдоскопичностью, яркостью экран несет дет и мончики играть со своим зрителем «на подиуме» — из категории «авластите думы перехода в категорию предмета потребления». Именно этим снижением места киноискусства в духовной жизни подростка обеспокоена отозвавшаяся на выступление «Смены» молодая учитель-

ЧИТАЙТЕ «СМЕНУ» МИНИЯ И СОМНЕНИЯ

«ЭКРАН — ДРУГ ИЛИ ВРАГ?»

«Смена» № 23, 1969 г.

рицу так: «...я не решал еще многих вопросов, кающихся лично меня, а что еще важнее, вопрос социальных... Всем, если есть естественные науки, то же предстают перед собой социальные науки. Ясно, что это не совсем обычные научные вопросы. Я предполагаю, конечно, научное решение — иное не имеет никакого смысла».

О прахе руководить его научной работой спорят два крупных ученых — химик А. Бутлеров и зоолог Н. Вагнер. За диссертацию о колматациях червей ему присуждают золотую медаль. Ректор университета (откуда ж было ему знать, что он скоро попадет в тюрьму) называет ее «одной из лучших в истории российской науки». Академик Бутлеров, ведущий специалист по гидробиологии, в честь открытия, которое назвал «гидробиологической атмосферой», называет студента Александра Ульянова «стордостью Петербургского университета». Это было зимой 1886 года. А зимой 1887 года Александр Ильин смеет эту медаль в ломбард, чтобы ее вы漪ынать под твой залог деньги устроить товарищу, которому грозил полицейский арест, побег из тюрьмы.

Разгрыз студенческой демонстрации, в которой принял участие Александр Ильин, ученый не успел уехать из Петербурга и пропадает в течение трех лет. Он ждал, что будет переведен в русский Маркс, много размышлял над тем, как лично ему поступить в этой нестерпимой политической атмосфере. В нем, как и во всех ценных людях, одно начало обострило, уточнило другое, потом, под влиянием растущего недовольства существующими порядками, до предела накалялось чувство негодования. Достаточно было легкого толчка, и вдруг крахом падала старая система, становясь бесполезным ветром, хотя наука, к которой Александр Ильин, по словам одного товарища, «прыгала почти реагционное отложение», он и тогда не бросил.

Александр Ильин с чисто практической точки зрения не успел сделать что-либо существенное. Как будущий ученик, он еще только был на пути

к открытиям. Покушение, которое он вместе с товарищами хотел совершить, чтобы, говоря его же словами, поднять революционный дух народа, подорвать веру в обаяние правительственный самолюбие, не имело успеха. Но это не значит, что он не относился к числу ярких личностей русской истории. И вот потому: по моим прозорливым и моральным качествам он значительно превосходил средний уровень времени.

В те страшные годы очень много задавали себе вопрос: до каких же пор будет продолжаться насилие и террор сверху? Многие малые-малыши громкие люди видели, что самодержавие давно уже перешло в состояние, когда оно несет вред не только для мира. Видели и малыши, выговаривали и бедствовали. Но всегда были и будут люди, подобные Александру Ильину, которые не испытывают на себе всей тяжести социального угнетения и политического произвола, в лишенчиках и обидах. А других видят личный упрек себе: в них острые умы бытия упираются большею и невыносимее, чем в кого-либо...

Александр Ильин, судя по суду того, что он делал, не имел никакого пристрастия к насилию. В своих воспоминаниях оставил такое признание: «...из всех соподчиненных он производил наиболее симпатичное впечатление, как искренне преданный тому делу, за которое пошел на казнь...» Он отвечал на все вопросы следователями, председателем суда, прокурором корректно, не с чувством независимости. Был математически точен в показаниях: «...сказывалась его образовательная база, и общепринятая формальность стиля отставала от языка адвоката полудумового Ульянова на процессе». Вопрос: Кто принес... прокладки? Ответ: Гектографиированы. Вопрос: Кто их гектографировал? Ответ: Тоже я. Вопрос: Немножко не привыкли мы писать, кроме вас? Ответ: Нет, помогало однажды. Кто же? Ответ: Я отказываюсь называть...» Привык на себя вину дружину. Александр Ильин, как и другие, не мог отказать в этом своем давнему одному из членов группы, оставшемся в живых, в глазах Александра Ильина во время суда он прошел «бесповоротную решимость умереть». Он не хотел, чтобы его помиловали.

По последним дням Александр Ильин отказывался писать царю прошение о замене смертной казни каким-либо другим видом наказания. Объяснялся ма-

тери Марией Александровне, почему он вечным заключением в тюрьме предпочитает казнь, Александр Ильин сказал: «Ведь там и книги дают только духовных, ведь этот до полного идиотизма доводят». Потом он уступила напористости одного дальнего родственника, который ему сказал, что своей смертью он убьет и мать. Александр Ильин написал сухое, гордеющее, без всяких эпизодов перводническое чувство прощение, в котором прямо сказано: «Прошу о даре сеи, ради матери». Вышло, что Александр Ульянов обратился с частной просьбой к Александру Романову.

Искод известен.

Один из тех, кому Ульянов спас от казни, так оценил смысса и степень герояического поведения Александра Ильина: «...идти на смерть сознательно в 21 год, не зная, что же это за смерть, и не испытав вспомнившихся страшений и рвот в душе, борбах, жизнни, и к смерти... на это нужна необыкновенная решимость. На это нужна сильная воля, которая должна преодолеть не только все сблазны, открывавшиеся воображению в личной жизни и самую жажду жизни, вложенную природой в молодой организме. Эти и другие душевные качества Александра Ильина делают его похожим на людей той разновидности русского характера, какую у нас лучше всех образовал Лермонтов.

Уже знал, что его ждет казнь через повешение. Александр Ильин, как и многие, интересуется вполне естественным делом: Он просит матушку оставить его лежачим долг одному студенту, доставить в тюрьму стихи любимого Гейне. Но мы уже никогда не узнаем, о чем он думал, вздохи на эпиграф, куда глядел с него в последний раз сквозь предрасставшую муку маиского дня 1887 года.

«Лучше тебе, благородное тебе нет человека на свете. Это не я одна скажу, но как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненагаданное». Сестра Ульянова, Елизавета Ильинична Ильина, много недолго спустя, когда Александра Ильина уже не было среди живых, младший конвейер тюремной цепи ненароком донес стечь брате сестре. В нем Александр Ильин, наперекор привыкнувшему в исполнение приговору живой человек, ни о чем для себя не просит, кроме одного — прощения у родных за переживания и горе, которые он им невольно причинил...

ница из Челябинской области В. Филиппова:

«В начале учебного года мы как-то разговаривали с ребятами (у меня восьмой класс), какие фильмы шли летом в городских кинотеатрах, что им понравилось больше, что запомнилось. Вы знаете, у меня волосы дыбы встали... Что же делать? Здесь нужны радикальные меры, какая-то система. Как удержать молодых людей, уходящих с «занятой»...»

Идея, высказанная в образе-кошкой уверена учительница В. Филиппова, пока не существует. Немногие энтузиасты-педагоги, добровольно взявшись на себя обязанности кино-воспитателей юношества, испытывают большие трудности. Вот письмо учителя физики, руководителя киноклуба калининградской школы № 1 О. Баранова:

«Мы сейчас тоже спрашиваем у педагогов, клубы дерутся на анти-язык, который никем не понимается. А ведь это и страшно! Никто не удивляется, сколько сил, времени, нервного напряжения требует эта работа. Люди начинают стыдить тебя, если из-за нехватки времени (ну и нужно и работать, и зарабатывать на содержании семьи) не успеваш выполнить что-то в клубе. Бывают моменты, когда хочется все бросить. Но опомнишься — это так надо ребятам, так надо киноклубному движению — тыешь. Отдаешь все свое, иногда в ущерб работе. А тебе уже не просят, с тебя требуют!»

Для десятков учеников О. Баранова занятия искусством кино, очевидно, становятся для них действительной силой духовного роста. А кто из десятков тысяч ребят, рядом с которым нет педагогов-добровольцев?

И тут нельзя не согласиться с Анатолием Н. из Ставропольского края:

«У нас в селе некуда пойти — только в кино. Я лично в году смотрю около 150 фильмов. В моих силах смотреть больше, но я не могу, потому что не могу сидеть в кинотеатре, не могу сидеть в кресле...»

«Разбрьши почту, радиусом пытайся единомышленников, пытайся ответить на недоруменыи несогласных, редакция пришла к выводу, что разговор о воспитательной роли кино требует продолжения».

Вот, например, студент межхата Днепропетровского инженерно-строительного института Кирсан просит у меня ему разобраться в том, какой смысл несет в себе слово «киноинкуструмент». Значит, нужно поговорить и об этом. А чтобы разговор был полезным для многих, хотелось бы получить от читателей «Смены» некоторую информацию об их киноподарках.

Сегодня мы предлагаем вам своеобразную анкету «Смены». Ее смысл — получить исчерпывающую информацию о «киноинкустах» нашего массового читателя и вновь — еще глубже — проанализировать проблему воспитательной функции кино:

1. Ваши любимые фильмы.
2. Поправившиеся Вам фильмы за 1969—1970 годы.
3. Ваши любимые герои экрана.
4. Ваши любимые актеры.
5. Какие фильмы Вы бы показали представителям инопланетных цивилизаций, чтобы они поняли, что такое Земля, люди, наша страна!
6. Представьте, что в магазине «Подарки» продаются фильмы. Какой бы фильм из виденных Вами Вы бы выбрали для подарка своему другу?
7. Из каких источников Вы узнаете, стоит ли смотреть фильм?
8. Какие темы Вы предложили бы для новых фильмов?
9. Какую книгу предложили бы экranizировать?
10. Вы член киноклуба, слушатель кинокультурата, специально не занимаетесь кино!
- Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе:
1. Ваш возраст. 2. Ваш пол. 3. Где учитесь! 4. Ваше образование. 5. Где вы живете!

Журналист Олег Попцов написал повесть «Хроника одной дружбы».
Назовите ее героями. Повесть Олега Попцова — о дружбе,
о группе энтузиастов, оказавшихся на человеческое достоинство.
...На страже крупного химического комплекса,
здесь работают герои поэсии, в результате которой гибнут два человека.
Причина аварии очевидна.

Начальник строительного участка Николай Климов
принес свою вину полностью, честно облечает год следствия.
Уже состоялся суд и вынесен приговор,
уже героя повести отчитали за те недобросовестные вопросы,
которые привели к трагедии на производстве.
Да и само дело считается заключенным. Казалось, все в прошлом,
однако драмы не оставляет чувство беспокойства.
Друзья не верят в инволюцию Климова. И, когда им бросят упрек,
что невозможно спрятать доказательство истин
лишь на основе предположений, один из героев поправляет собеседника:
не предположений, а убеждений. Это не поза. Это жизненная позиция.
Бескомпромиссная вера в человека, которого ты называешь другом.
Суд закончился. Конфликт позывных со своим логическим разрешением.
Но только тут, именно после суда, другое человеческое испытание.
Испытание на верность.

20 МАЯ

Пока шло следствие, он был замкнут и раздражителен. Мы часто собирались вечерами и уже в какой раз сидели за столом уединено спокойственно. На наши вопросы Николай отвечал односложно: да нет, может быть. Со стороны даже казалось, он любит нас. Предположения, догадки, противоречия, споры, даже скандалы не могли его вывести из равновесия. Но появлялось нечто целое, что принято называть выводом: он не виновен или, наоборот, виновен. У нас же все наоборот: «не виноват», «не мог так поступить»... существовало как что-то неизбежное, раз и навсегда определенное, а все остальное — частности, которые, конечно, были, но были потом и лишь подвергались к тому главному и подтверждали нашу правоту. Что делать, мы действительно не верили в его виновность. Однако друзей не оставлял чувственный вопрос: «Как это доказать другим? Доказать... Доводы? Интуиция?»

Таким образом, мы не доводы. Это понятие даже нам для совершенной ошибки Николай слишком собрал и точен, иногда даже категоричен. Он мог обйтись проницкой, вывести из себя начальника треста, мог возмутить упрямством, точнее, самовершинностью, оказаться добрым больше, чем нужен. Но забыть что-то... Нет, нет. Это на него не похоже... Разные мы его плохо знаем? Мы знаем его отлично. Но тогда почему он не хочет нам помочь? Почему? Не может же человек желать, чтобы его осудили. Это же абсурд.

- Давайте еще виновен еще раз.
- Давай! — невесело соглашались ребята.
- Давай! — говорил Сергей, подгоняя других путей обжалования.
- Понялух! Тем более веселой. — Сергей ложась спички.
- Если я их проверил вчера, если я их проверил позавчера и вообще делаю это каждый день, что мне мешает их проверять сегодня?
- Действительно, что может нормальному человеку помешать совершить нормальный поступок?
- Не-нормальность. Духовная депрессия, — прерывая мои рассуждения Сашка и краснеет. Сашка всегда краснеет, когда произносит длинные слова.

— Причин? Нервное потрясение.
— Прекратите ты дымить своей вонючей сигаретой. Мешаешь сосредоточиться.

Димка виновато улыбается и аккуратно тушил окурок.

— Да... Так на чем мы остановились? Мы остановились на Б. Итак,

В — разлад с друзьями, В — разлад с Ленкой.

— Первое исключено.

Ребята переглядываются.

— Ис-исключено, — подтверждает Сашка.

— А что же ты на меня уставшился? Пожалуй, тоже исключено.

— Пожалуй, тоже исключено, — как это, повторяет Сергей.

— Дима, походи в обратную сторону. У меня начинает кружиться голова. И вообще.

Сашка что-то рисует на листке бумаги.

— Это что?

— Наше положение.

— Не смешно.

— Почему же? Грубо, но верно. — Димка громко кашляет.

— Непрекрасно, на работе, точнее, конфликт с начальством, разговор с работодателем. Помимо с ним встречаются Сергей. И участки рядом.

— Нет, — Сергей задумчиво мотает головой. — Нет. Во всяком случае, мы бы это видели.

Он смахивает со стола обломки спичек.

— Следовательно, духовная депрессия отпадает... Я по очереди оглядываю ребят.

— Похоже на то, — бормочет Димка.

— Очевидно, — присоединяется Сергей.

— З-значит, дад указание, — заключает Сашка.

— Г-где?

— Предположение — указание дано... Вопрос: кому?

Этот ребус нам покидом надоели.

— Если верить следствию, никому, — бормочет Димка и снова начинает кружиться по комнате. — Если верить... если верить. Какого черта мы тогда здесь торчим?

— Дима, у меня рабит в глазах, ты можешь сесть?

Димка пожимает плечами.

— Если вы настаиваете.

— Настаиваю, — отрубает Сергей.

— Да. Так на чем мы остановились?

— Мы остановились на «кому». Двух мнений быть не может. Бригадам.

— Допустим.

— Чего допускать? Отпадает...

Он входит неожиданно.

— Я подписал все протоколы.

Николай расстегивает рубашку и внимательно разглядывает себя в зеркале.

— Будем считать, что мне не повезло.

Нам не хочется начинать этот разговор, но другого выхода нет.

— Согласитесь, это ведь смешно: забыл проверить, забыл дать указания.

Николай смотрит на меня каким-то отсутствующим взглядом.

— Смешного мало, Ленка... — Рубаха летит на кровать. — Ты что, полагаешь, я тебе думал?

— Потому? Думал, наверно, но ты же не будешь отрицать, что все это очень странно?

— Чего странно?

— Все. То же признание, и твоя уникальная забывчивость, и отсутствие бригадира каменщиков наверху.

Николай опускает глаза. Я замечую его печальную усмешку. Ничего странного. Перебор с элементами растяжения. Попросил подстражовать.

— Я слышал, суд будет показательным.

— Не спорю, — просто мы получили разрешение выставить общество-стремление-запитчики.

— Вот как? И этим защищаем будущий суд.

— Видимо. Ты должен нам помочь, Николай.

— Помочь? Чем?

— Не знаю, но должен.

— Я тоже не знаю. Ещё парни. Если бы не Сотни. Мне так хотелось поставить его на ноги. Он вязл и погиб. Нет Сотни. Понимаете? Нет!

И в этом виноват я. Нам только кажется, нас судят. Судим себя. Мы! — и никто иной! А, да что нервничал из-за этого в порожнее. Дело сделано. Правда, это не суд. Суд назначен... Николай падает на кровать, забыивается руками за голову и закрывает глаза.

— Устал, как я устал, ребята...

— «Если бы не Сотни». Этого слишком мало для доказательства. Что он хотел этим сказать? «Если бы не Сотни...»

4 ИЮЛЯ

Суд заседал целый день.

Подсудимый был склонен к неизначительным, чтобы вместить всех желающих.

Распространенный зал вызывавшее гудки. Когда мы пришли, свободными оставались лишь задние ряды. Впереди сидели незнакомые парни.

Летний бульвар в полном составе, — пробормотал баритон за моей спиной. — Э-эх... Молодежь!

Крановщик Сотин был из пришлых. Его долго не принимали на работу.

В отделах кадров с интересом разглядывали паспорт, испещренный красноречивыми чакрами, кружками, кашлями головой, задыхали и воспаряли над ним.

И Сотин понимал. Манилъно было возвращение документов, бормотая что-то неправильное и уходил.

Так прошло две месяцы. В комитете комсомола Сотин забрел случайно, перепутал с месткомом. Николай там оказался тоже случайно. Разговорились.

А через неделю Сотин был оформлен крановщиком и на пятый участок.

Здесь же, в кабинете, крыша над головой имелась. Жили себе в толк и драках на радость... Так ведь нет. С фамилией Сотин не было никаких проблем. Сотин начал прругивать, и его стояли драчить. Сотин не проходил бесследно. Сотин началь прругивал, и погибли люди без видимого интереса к окружавшему, уставившимися в потолок потускневшим, отрешенным взглядом. Тогда Николай старался ему помочь, ругал меньше обычного, гнал в кино, тащил с собой на тренировки, оставил ее на ночь.

Иногда у него кое-что получалось, но только иногда. Чаще всего он настакивался на озлобленном простоте с бесконечным повторением: «Я сам, я сам, я сам».

В этот раз Николай мы верили слабо, советовали бросить.

— Ерошкин, — нет, ребята. Бросают окурики на мостовую, и то по привычке пижеват. А тут человек. Попробуем еще раз.

И все начинялось сначала.

Со временем дружки исчезали. Потому, кто знает? Исчезли — и все.

А может быть, их сажали снова... Компания лягуш, народ известный...

И тут, как в хорошем театре, на сцене появился совсем другой Сотин.

Наедине с самим собой, может, он и прежний. А на людях человек че-

ловек.

Судья СУД

веком, даже чуточку застенчивый. Грехи как-то сразу забывались. Уж больно ему шел неопытный, человеческий вид. И даже наши пессимисты визуально давали трещину. «Чем черт не шутит... Все бывает».

Сотни людей стремились уходить: «Бродя как на хонте они у меня, и оттуда не спешат». Выдеть, самого парня, приятеля.

Однако не уехал. Может, привык к местам, разведенным угрюмыми парижами, напоминали о его трудной жизни.

ВЕЧЕРОМ 4 ИЮЛЯ

От официального защитника Николай отказался.

— Зачем? — сказал он на суде. — Преступления, и тем более предварительного, я не совершил, запинаться перед кем-то у меня нет оснований. Я не знал, что это такое. Более того, я не знал, что это такое. Более того, я не знал, что виноват только я. Подкраденные пути 16 апреля были не в порядке. Проверил ли их кронштадт? Не знаю. Должен ли был проверять сам? Очевидно. Кому-либо указаний не этот счет не давал. Вину свою признаю полностью. Мне очень... — Николай беспомощно посмотрел в сторону родителей Сотина, хотел еще что-то добавить, но неожиданно совсем тихо закончил:

Рисунок
Валерия
КАРАСЕВА

— Больше мне сказать нечего.

Зал беспокойно задыхнулся. «Угрохал человека, а теперь интеллигента корчит, зволов!» — надрывно крикнул рыболовный парень. Впереди одобрительно загудели.

— Это тебе не сидетельские показания давать! Теперь члены вашего братства! — Парень угрожающе поднял кулак. — Допыгнется!

— Заткнись! — выкрикнула кто-то из наших.

— И тебе заткнись! — Рыболовный снова попытался истать, но его силой усадили в угол.

Мы видели, как Николай побледнел.

Родственники Сотина сидели чуть скобу, и со стороны казалось, что все происходящее им мало касается. Лишь время от времени плечи отца судорожно подрагивали.

Я выступала четвертым. Позади была не одна бесконная ночь, окутанная мраком изречений выдающихся юристов всех времен. Не единожды воспользовавшись рисунком мне образ, обличенный в строгую мантию, перед узлобливающим и ревущим залом, после чего я просыпалась на холодном полу и долго не мог заснуть, терзаемый сомнениями и предчув-

ствиями. Однако усталость брала свое. На смену залу улюлюкающему языку звучало молчание, и тогда сам мой становился безмаковых и родственных. Но вскоре глохло далеко позади. А сейчас я беспомощна и носополыши до болезненности. Болезненность Котина, уничтожающие афоризмы Спинозы, внегруппность полемики Ницше. И то, что я пытаюсь вплоть в себя за последний месяц, куда-то испарилось, и я осталась один на один с раздраженным залом и слабым подобием трибуны, с которой мне предстоит сказать речь, речь общественного защитника.

Кому из нас не хотелось видеть себя подиекториевым, не лишенным сарказма и муки бывалости в свои двадцать пять лет? Увы, но моя неопытность была беспримерной.

Говорил я долго и сбивчиво... Я не записала его... Мне хотелось очень немного, чтобы люди, сидящие в этом сдавленном и душном зале, чуть что отчаяннее разглядели человека за бутылчатым колонном скрипучей перегородки, разглядели подсудимого.

— Что может быть весомее, чем собственная жизнь? — спросил я у зала сам себе оттенки: — Ничего.

Моя речь могла показаться непонятливой, а весомость приведенных доводов весьма относительной. Видимо, так оно и было. В этом есть своя правда.

Я говорила, а меня внезапно преследовала мысль: «Все минура. Ты скажешь главное, чего-то очень значительного. Твои слова никого не убеждают. Посмотрят в зал. Они безмолвствуют...» Я смотрел в зал и не видел ничего, кроме колыхающегося тумана. «Ты думаешь, это гипноз, нет, это — безразличие к твоим словам. Это провал. Какая глупая затея была общественным защитником! В самом деле, когда может удивить жизнь? Удивляет лишь смерть.»

«Тогда, на акции, он произнес подобную фразу... Хотел сказать главное, все же решил думать, надо сказать главное, и вот не сказал. Глупо... Позорно задуматься! Мне трудно ответить на этот вопрос. Подсудимый сам себя видит виновным. Речь защитника, по существу, бессмыслица. А значит, все то, что ты говорил или еще скажешь, чревато неясными вопросами: «Почему?»

Существуют жизненные ситуации, в которых человек обретает свое «я». Такими минуты все происходящее вокруг тебя второстепенно, ибо этот интерес в человеке, которого ты раз и навсегда определил умным или глупым, решительным или трусом.

Подобных актумов мало чем отличаются один от другого. Ведь всегда много, кто не переговоришь. Стронгители мечты критикуют.

Николай не собирался выслушать. Назвали его фамилию, зал привычно гудел, мы переглянулись, а он как ни в чем не бывало встал и быстро шагнул к трибуне.

— Есть вещи, о которых не принято говорить вслух, — сказал Николай, и зал словно опирался тишиной. — Зачем существует критика? Вопрос рыторический, и тем не менее это его задача.

С точки зрения общепринятых норм доклад был критическим. Суть в другом: критика бессмыслица.

Кончится еще один актак. Мы не спеша поднимаемся со своих мест, перекурив в коридоре, не спеша разойдемся и в это же не спеша обо всем забудем. Придет время следующего актака — все повторится сначала. И будто призывающей вспомогательной обойме Иванов заменит Петрова, а Сидоров — этого, кто-нибудь уйдет? Никогда! Так было на синтетической мыне и будет после. Кого мы обманываем?

План выполнен на 101 процент, так уверяют докладчики. Может быть, кому-то из присутствующих не известно, что пятидесят процентов принятого жилья будет сдано в эксплуатацию лишь в конце следующего месяца? Разве об этом не знает секретарь областного комитета партии, заместитель председателя горисполкома, разве об этом не знали их предшественники?

То, что началось в зале, достаточно лишь номинировать строителя... Ибо сказанное касалось всей сути нашей работы. Он не был дипломатом. «Фролов, вы можете сказать спасибо, сидя близко к хрупке. Неожиданно Фролов, — встал в рука микрофон и трубы проговорил:

Будем спордами, на грабье строители, и как показала практика, неплохой строители.

Слова начальника строительства лишь поддевали зал.

Николай обнаделил в малыничности, демагогии, карьеризме. Мой словарный запас исключает возможность передать все рецензии зала. А он стоял и ждал.

— У вас все? — спросил председательствующий.

— Нет, у меня еще семь минут по регламенту...
Зал затягивал трудно. А он продолжал говорить, словно прошел этот гул писаками, оставил его позади и сейчас стоял перед трибуной, видел тишину и вновь начал.

В подобной практике преступно винить только строителей. Она складывалась годами. Наше неумение строительство раздоровать с переполнением планов находит не только материальный ущерб. Оно парализует наше мышление... Если правило становится исключением, а нарушение — законом, значит, мы приспособляемся к рождению нового, порочного правила, и к его рождению причастен каждый из нас. Неработавший лифт, отсутствие нормальных подъездов к дому есть дискредитация не только строителей, хотя и их тоже. Все гораздо сложнее. Я хочу вам прочесть некоторые письма. Но спешите отнести их авторов в разряд пропагандистов.

Пропаганда, десять, пятьдесят минут, а он все говорил, письма ворочались, опровергались на трибуне, и к тишине не наядо было привыкать. Никто не заметил, как письма были отодвинуты в сторону, и твердый хрипловатый голос неизвестно стал излагать принципы сетевого графика.

Председательствующий уже дважды напоминал о регламенте, но зал упорно отвечал недовольным гулом: «Пусты говорите». Еще когда-то становился обиженным. Самое деревененное в пропаганде не минует участия повседневной практики в будущем.

Сетевые графики не более чем производственный термин. Теперь это суть любой стройки, ее жизнь. А тогда было началом, загадочным, драматичным началом.

Для сень, десять, пятьдесят минут, а он речь. Выступавший ничего не доказывал, никого не оправдывал.

— Сначала были мы, — говорил защищенный, — каждый в отдельности. Потом мы — все вместе. Николай тоже был... Но не всегда замечалось того, кто рядом. Тогда защищенный кажется открытым. Отличился и не вершился собственным глазам. Человек стал больше, чем просто один из нас. Всем нам дано быть нужными людьми, но не всем — пригодными. Ему, Николаю Климу, это дано.

Убеждай? Кто и в чём? Да и возможно ли убеждать тех, чье привычное — осуждать.

Я кончил и только тут отчетливо увидел молящий зал.

И сразу знал: не перестал быть просто залом. И предчувствовал, что суд совсем не суд, а очередной залом, где сейчас отвечал я, а потом будет тащить ее. Ильин, Ильин... Ильин... — это не суды, а профессор, по глазам которого я пытаюсь уловить, так ли невыносимо плох мой ответ, а заодно — совсем не заседателей, а члены засекреченной комиссии, лица которых не оставляют у меня никакой надежды.

Нашевре, и должны были убедить прокурора, оказать воздействие на зал. Наверно... Но я об этом не думал, точнее, не мог думать. Я видел перед собой лишь невероятно большой троцкийский стол суды и два поменьше — для заседателей; незабываемый стол и скамья на нем... И больше ничего.

Что делать, мы каждый день проносимо реш общественных защитников.

В зале достаточно тихо. Я слышу, как дышат первые ряды. Бразиной, простояв. Это было похоже на шелест. Он зародился где-то в середине зала, как супорта пробежал по рядам, захватил галерею. Я ждал реакции. Но не было аллюндментов. Парни с первых рядов застыли.

— Активисты выражают недовольство. Начальничка... — завопил тот же надрывный сплюнковатый бык.

Наши ребята вскочили и уже хлопали стоя.

В проходе появился три милиционера. Судья решительным образом обогнал сидящих и, не остановив своего взгляда на ком-то одном, сказал в разнометрический, удрученный квадрат зала:

— Если возобновится шум, я попрошу присутствующих освободить помещения.

Простите не припомню. Шум разом стих.

Облашалась перерыва, — сказал судья и стал быстро собирать бумаги. Прокурор безразличным движениембросил очки на стол и сразу стал близоруким и добрым.

Все поднялись. С треском отстали назад откинуты сиденья, люди аппетитно зевали и медленно двигались по узкому проходу. Вдоль стены торопливо протягивались усыпанные старшинами, вились извилистыми «простите, — привычным движением расхваливали дребезжащие створки окон.

На лестничных площадках, где сосредоточились все курящие, стоял невероятный шум.

— Совсемась, — бросил мой сосед в сторону группы парней. — Парни услышали реплику и без особого дружелюбия стали меня разглядывать.

— Твою речь обсуждают, — продолжал сосед тоном заносчиватая судебных разбирательств.

— Постерегись, пакостыль могут. Таких море по пун.

— Эти, что ли? — Димка привычно хрюкнул пальцами.

— Эти, какие еще... — подтвердил сосед. Молодежь, вошла! Бывшность, — сказал Димка, — это не пакостыль. Сашка подхватил словохотливого соседа под локоть и решительно подтолкнул его в сторону парней.

— Ты чего... Ты чего... — забеспокоился сосед.

— Ничего... — усмехнулся Сашка. — Хочу вас к объекту критики поближе подвинуть.

— Эх, — скривившись видоком, — Все же один миром мазаны... И я, слышишь, синевами вина.

Парни действительно о чем-то спорили. До нас долетели обрывки фраз.

— Толка скользнула в обрамление табачного дыма и разгадывала угрюмые парни с Летним будущим.

— Толка скользнула в обрамление табачного дыма и разгадывала угрюмые парни с Летним будущим.

— Толка скользнула в обрамление табачного дыма и разгадывала угрюмые парни с Летним будущим. Каплю другую прокрик мимо. Говорить о чём не хочется. Остается только ждать. Что-либо изменить уже не можешь. Сашка молча стиснул мне руку. «Спасибо», — говорю я одними губами. Сашка понимающе кивает. Хороший он, по-старине парень. Сергей стоит с Леником. Он читает недоволен. Наверно, не понялши мое выступление.

Последнее время Сергею многое стало не нравиться. Однако об этом помчал. А сейчас мы стоим в обрамлении табачного дыма и разгадываем угрюмые парни с Летним будущим.

— Толка скользнула в обрамление табачного дыма и разгадывала угрюмые парни с Летним будущим. Каплю другую прокрик мимо. Что-либо изменить уже не можешь. Сашка молча стиснул мне руку. «Спасибо», — говорю я одними губами. Сашка понимающе кивает. Хороший он, по-старине парень. Сергей стоит с Леником. Он читает недоволен. Наверно, не понялши мое выступление.

В этом нет ничего удивительного. Невозможно смотреть на жизнь только с той точки, на которой ты находишься сейчас.

Мне не видно и они стоят темным кругом. Они равны. Я знаю, знаю точно... Недоброжелательность всегда поражает прост. Там, в зале, в их углах разглядывают, что-то бывает, что-то стирают. В среднем лет до 30... Ступеньками, темные терминологии — приводят в мышление. У меня их было шесть. Это не самобичевание. Нет. Просто иное местоположение, потому что я устал, а во-вторых, юность каждого из нас не вымогала беззабочно.

В этом нет ничего удивительного. Невозможен смотреть на жизнь только с той точки, на которой ты находишься сейчас.

Мне не видно и они стоят темным кругом. Они равны. Я знаю, знаю точно... Недоброжелательность всегда поражает прост. Там, в зале, в их углах разглядывают, что-то бывает, что-то стирают. В среднем лет до 30... Ступеньками, темные терминологии — приводят в мышление. У меня их было шесть. Это не самобичевание. Нет. Просто иное местоположение, потому что я устал, а во-вторых, юность каждого из нас не вымогала беззабочно.

После выступы у нас не было никакого иного местопребывания, кроме улицы.

Мы стали здравы, так по крайней мере нам кажется... Мы спешим вниз по ступенькам школы, преклонить голову перед родителями и обязатель но остудить ушицу. Словно в общем механизме на ее долю выпадают только бровкошевшие части.

Где-то тебе подкидывают первое чувство, первое разозлование, первое открытие. Не всегда в светлом классе, на комсомольском собрании, уроке литературы.

— «Воздушным должно улице», — говорит твой любимиий учительница. На улице тебя подкидывает первая драма.

Согласитесь, в нашем городе есть вот такой бульвар. Где-то он называется Летним будущим. В нашем городе, где-то Пермским, где-то Профсоюзовским — неважно. Важно другое: он обязательно есть. Именно там самые собираются подростки и, вооружившись гитарами, транзисторами, темными очками, дефорируют из конца в конец, утверждая собственным видом абсолютную независимость.

Наш город не исключение. Весной и осенью состав гуляющих эримо обновляется, и Летний бульвар становится излюбленным местом отдыха сортируемых милиции с глумством вспыхивающим скучающими дружинниками. Поэтому, порядок, порядок...

Тогда я впервые в слух пускаю соответствующий:

— Правдина! Кай! Детский лепет. Все дело в амнестии. Указ тут один выдали. Закрытий, конечно. Такие вещи не налечатаешь. Международная администрация... Соображай надо. Всё, значит, всех выпустят, окромя особливо опасных... И отныне накажут на апенчуне. Ну, а коль милиции это дело известно, вот она и бережет скончайство граждан. — Последнее говорилось конфиденциально и многоязычно.

Сначала мы этому удивлялись, но верили. А потом удивляться перестали. И верить тоже...

— Ты, бывший, — скривившись?

— Невозможно задраивать... У Димки нелепая привычка хлопать собеседника по плечу.

— Броши, ты сделал все, что мог.

— Какой толк, Дима? Сух ударили на совещание. Затем зачитают приговор. И наша с тобой речь сразу станет не больше, чем букетик цветов на могильной плите. Не стоит убеждаться в том, что не веришь сам.

— Ты не прав. Помнишь Харлампова? Эри ты так... Примут или не примут в внимание. Это еще не самое главное. Могут и не принять. Ты сам говоришь: мы должны быть ко всему готовы...

— Говорил. Но всегда находимся в душе... я и наложил.

— Ты не прав, — сказал Димка. Ты же не веришь в эту затею... Может быть, меньше, чем Сержаков, по все равно не верил. Тогда я так и сказал: доиницкость. Ты обиделся. Так вот, я был не прав. Основное — Николай. Ему сейчас нужны силы. Ты выступил, и он знает: мы с ним... Мы не верим в его вину...

— Я был там растрачен словами Димки, что не сразу нашелся с ответом. Радиасы автокол... Нас прогоняли в зал.

— Пойдем, — сказал Димка и взял меня под руку. — Теперь осталось недолго ждать.

— Я мог ему многое сказать. Ладно, подожду до лучших времен.

— Пойдем.

10 ИЮЛЯ

- Вставай! Суд идет.
- Зал нужно подняться со своих мест.
- Можно сесть... мягко сказал судья. Однако все остались стоять...
- Народный суд в составе...
- Дальше было перечисление фамилий.
- ...Рассмотрел дело...
- Монотонно гудит голос судьи, сдержанно покашливает зал, а я тихо проваливаюсь в забытый мир воспоминаний.

Жарко... Так жарко, что каждые десять минут мы лежим в воде... На север приехали мы изгроем: я, Коля, Сережка, Сашка с Димкой за-вестились... Кажется, с личным частичком у них все в порядке...

- Славляем...
- Я — пас... Сережка переворачивается на спину.
- Мы с Николаем выбираемся обычно дальше всех. Сначала плывем брасом. Потом переворачиваемся на спину.
 - Тут мы один... Я хочу тебе что-то сказать.
 - Это что? отвечает Николай.
 - Откуда?
 - Иностранка, догадывается. Тебе нравится Ленка...
 - С чего ты взял?
 - Достаточно поглядеть, как расплывается на твоей роже восторг, чтобы сделать вывод: либо ненормал, либо влюблена. Первое отпадет. Мы давно знакомы. Значит, второе...
 - Ну, хорошо, пусть будет так... соглашается я... — Как ты на это смотришь?
 - Плохо.
 - Почему?
 - Мне тоже нравится.
 - Плаваем назад... — предлагаю я.
 - Как хочешь... Только ты зря расстраиваешься... Неважно, кто первым всплыл... Ты, я или Сережка.
 - Как? И Сережка тоже?

Ни о чем не хочется говорить. Назад плывем молча. Потом всплываем на неске... И не выдерживаем.

- Слушай, это все сердцеизн?
- Не веришь, спросил у Сережки.
- Да ну тебя к дуру... Она сюда приедет?
- Да, конечно... Извини, я зевнул... Дуэль без зрителей — это не дуэль. А потом, должна же она когда-то выбрать.
- У тебя с собой что-то было?

Коля приподнимается на локтях.

— Вообще-то это не спрашивавают.

— Знаю.

Солнце мешает мне разглядеть выражение его глаз...

— Нет, не было.

— Открытие за откровение. У меня тоже нет...

Открытие — бескомпромиссное слово...

Вечер. Мы с Сашкой играем в шахматы. Сережка задрал ноги на спинку стула, читает. Димка с Николаем на баскетболе, скоро придут. В общежитии время от времени гаснет свет...

- Обороты... — ругается Сережка. — Ненепримиримые обороты.

Сережка ставит томик на полку.

В темноте дверь открывается. Лица не видно.

— Мальчики... — говорит мягко. Голос мягкий, певучий. — Шуртик у вас... — Это Катя из плавного отдела. Сашкина любовь.

У нас есть одна из хромых.

Сашка задевает доску. Фигуры шумно падают на пол.

— Валяй, доиграем с следующей раз.

Сережка закрывает.

— Слушай, а что Коли так долго нет?

— И Димки... — добавляю я.

— Ну да, и Димки.

— Наигрывают новую комбинацию, наверное.

— А-а... Который там час?

— Всем...

— Библиотека до девяти. Я мигом.

Время. Понеклон звонит Лене.

Откровение. Удивительная вещь — откровение.

— Угу... Согласен воспресенне. Спасибо, сколько влезет.

Кто-то требует меня за плечо. Открытыми глазами — все лицо Николая в

бралах поднял руки.

— Вставай... Скорее встайай.

— Что случилось?

— Не спрашивай. Олевайся...

Минут через десять все собираются в нашей комнате. Николай первым

потирает руки.

— Все?

— Да вроде бы.

— Понимаю.

— Куда?

— Вперед. Выстроись.

Брови прошлись дождем, бежать скользко. Карабкаемся на холм. Николай

передерг. Скорее, скорее. В напряжен парке таких холмов три. Этот — самый

хызкий. Ильяны холмы. Говорят, в честь Ильи Грозного. Высочиной кто

то был. Наверху проходящий.

— Ну вот, успели. Смотришь, отсюда хорошо видно нашу стройку.

— Ну и что? — разинулиши заметили Сережка.

— Подходим, сбрасывай.

Мы видим, как блекнет туман. Очертания корюков все рече. Сначала

это развалины старого города. Еще минута. Забытый порт, где стояли кра-кои, как покосившиеся закрестьи масти. Сместят кромка холма, контуры все

отчленятся.

И на размытую в утренней голубизне дугу горизонта, прямо

на строительные леса тяжело выпыхивает огненный шар солнца.

— Есть идея, — раздается за нашими спинами приглушенный голос Николая.

Нет сил оторвать глаза от стройки. Лучи ударяют нам под ноги. И золотистый свет обволакивает нас.

— Какая идея, Коля?

— Отныне мы — коммуна-5. Возражения есть?

Возражений нет.

— Почему ты не женинись?

Мы забрались в первую попавшуюся аудиторию. Время от времени к нам заглядывают заложники.

Уже битый час ждем Хлебникова. Надо получить разрешение на досрочную сдачу зачетов. Я хожу вздоль доски. Николай сидит за первым столом.

Его любимая поза — чуть откинувшись назад, нога заброшена за ногу.

— Недавно мне рассказывали историю одноглазой марки, — роняет Николай.

— При чем здесь марки? Разве ты не слышал моего вопроса?

— Да, конечно. Поэтому я тебе расскажу. Так вот. Это самая ценная марка ЮНЕСКО. Ее стоимость — 500 тысяч долларов. Известно, что она была выпущена сто восемьдесят лет назад во Франции. Всего в трех экземплярах. Жаль, голубая и красная.

Не понимаю, какое отношение это имеет к вам с Леной.

— Ты слушаешь, не перебивай. Одна из этих марок находится в личной коллекции Черчилля. Вторая является собственностью одноглазого крупнейшего государственного банков Америки. А вот третья до последнего времени считалась потерянной. И вдруг на международном конгрессе филателистов в одной из коллекций обнаруживается третья марка... Владелец коллекции живет в Ташкенте. Он купил ее у коллекционера из США, где приобреталась марка. Это целая редкость. Так вот. Когда ведущие специалисты путем экспертизы установили, что это именно эта марка, владелец предложил ей не сказать суммы. Он подумал и отказался. Когда его спросили, почему, он сказал: «Пока я владею этой маркой, она коллекция лучшая в мире. Я не просто богатый человек. Я единственный. Допустим, я ее продам и сразу стану очень богатым человеком. Но даже очень богатых людей тысячи...»

— Ну и чем же все кончилось?

— А ничем. Теперь этого человека охраняет государство. Так как это минимально от владения неиссякаемой суммы. Уни вынужден лет. Он уже составил заявление, в котором марку завещает государству... Но при жизни прородить отказалась.

Какова же мораль?

— Мораль... — удивленно повторил Николай. — Единственное в своем

роле всегда прекрасно...

— Чувства и неделимость — вещь ступо разные.

— Знаю. Никак не могу поверить, что я — обладатель неповторимого.

Мечта всегда недостижима сразу. Уже заранее готовишь себя к испытаниям. И ищут сверхшанса само собой. Не надо никаких жертв. Ты обладаешь мечты.

— Значит, тебе повезло. Дуэли сейчас не в моде. Этому стоит радоваться.

Наверно, но я не хочу веселения. Испытания должны быть, понимаешь?

Ничай мечта беспомощна...

— А что говорит Лена? Ведь чувство может пройти.

— Пройти? — Николай удивленно разглядывает руки. — Нет, нет. Так не бывает. Тогда это не моя мечта...

— Ты не прав, — неожиданно говорю я вслух.

Парень, сидящий рядом со мной в зале суда, разинулиши оглядывает меня с ног до головы.

— Чи-то?

— ...На основании статьи сто сороковой, — гудят судейский баритон, — Уголовного Кодекса Российской Федерации в Социалистической Республики Киргизия Николай Федорович приговаривается к четырем годам лишения свободы...

14 ИЮЛЯ

Его нет с нами. К этому трудно привыкнуть. Страшит не его отсутствие, а сама мысль, что к этому следует привыкнуть. В те дни для нас не было частностей. Все казалось главным.

Вчера встретил Губченко. Он тоже был на суде... Полгода назад он перешел на автобус. Освободилось место заместителя главного инженера. Губченко — механик. Жена покидала носком ботинка землю и, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Зря... — Затем громко зевнула и уточнила: — Столько мытарств, и все зри.

— Чу-то?

— О вас... Неужели ты все-таки убежден, что он невиновен?

— В пять, в десять раз больше...

— Вот как? Завидую... А ипрочем, вру... Нечему завидовать. Хочешь созет?

— Ну-у...

— Угомонись. Поверь, мы сделали все возможное. Но... проиграли.

— Зачем ты говоришь это мне?

— Так... Совсем доброколателя, не больше... Губченко лихо поддал кусок шальки и, перепрыгивая через лужи, понес на трамвайную остановку.

— Значит, проиграли, как сказал Губченко. Пронграли. И все зри?

— Я только сейчас заметила, что иду в другую сторону. Ничего не поделаешь, придется возвращаться назад.

«Но ведь мы сделали все возможное! Как мало нужно людям. Достаточно следить все возможное или по крайней мере подумать так, и ты можешь быть спокойен. Твой советчик чиста. Но где же та граница между возможным и невозможным? Кто ее устанавливает? Граница... А если ее нет? Если существуют иные параметры?.. Николай любят повторять это слово. Да, обозначает для себя высший предел, сделать правилом невозможное, отнести границы условного — значит перейти в иной жизненный параметр, где жизнь не просто жизнь, а борьба.

— Я не верю в бесполезность борьбы...»

В грузинском Пантеоне на горе Мтацминда почивают прах замечательного русского человека и поэта А. С. Грибоедова. Его грациозную кончина оплакивала вся просвещенная Грузия той поры.

И вот в Лермонтову, Каховскую, Марзинскую, Маврскую, Еспену, Гагикову, Заболотицкую и многие другие отдали дань глубокоизученного уважения древней грузинской культуры, гордящей ее с великой русской культурой. Особняко много сделано в советский времена...

Грузинская поэзия всегда отличалась не только неистребимой щедростью красок, обра-

зов, ритмов, но и глубокой демократичностью, мужественным гуманизмом.

О retains, где снегники — недолгая гости до вершин с вечным снегом, от древнейших елей до новейших, от нежнейшего лиризма до яркого патетизма, от струйного замка до всей логики — текстов, общими словами, и спешной и быстрый охват.

Грузинская поэзия эпиграфика.

Н вбить достойно в такую поэзию очень просто. Кажется, легко стать поэтом на земле, где все дышат стихом! Нет, неужели.

Может быть, лучше наслаждаться поэзией

„НАПИШЕМ ЛЕС“

Нодар ДЖАЛАГОНИЯ

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА

Я и не знал, что дни меняют цвет,
Как листья, улицы и камни зданий,
Что детских наших глаз наивный свет
Мы видим в череде воспоминаний.

Я многое привык переносить.
Порой жару, порою холод плоть.
Порой хомуя в прошлом уловить
Свой беззаботный смех. Хоть на минуту.

Порой грущу о детстве. Так олень
Грустит, склоня зму, об апреле.
Чем удивят меня грядущий день
В сравнение с тем, что видел я

доселе!
Учел никто меня не удивит!
Дни, похищая мысли, убегают.

МЕРТВЫЕ ЗНАМЕНА

В Москве, в Музее Вооруженных Сил СССР, находятся знамена поверженных немецко-фашистских полков.

Прекращена игра с огнем,
С клубами дыма...
Беседа с прошлым, как с отцом,
Необходима.

Пронес истори канал
Между веками.
Все, что минувший день познал,
Навеки с нами.

Нам и пергамент говорит
Не о бумаге,
А о героях правых битв,
Об их отваге.

Удел поверженных знамен —
Предупрежденные
Злу,
что осмелится
С Добром
Начать сраженье.

Мне кажется: вот так друзей теряют,
Когда напрасно день мой пробежит.

С меня взмывает время полной мерой.
Я верю в путь, идущий далеко,
Хоть редко что
Берут теперь на веру,
А в детстве все на веру брали легко.

Идут года потоком непрерывным,
Дара труды
и седину вискам.
Но иногда грущу я по навыкам,
По детским тем, доверчивым глазам.

ВСЕ Ж ВРЕМЯ НАСТАЛО...

Не верилось мне, что придет этот миг...
Все же время настало [все минуты срок]!
Вернут фотографию, взятую мной.
И так захотелось мне быть одиночкой,
Как раньше хотелось быть вечно с тобой.

Рука моя старые письма листает.
Узинувших строчек поблевали разбег.
И так дорогое лицо твое тает.
Как веник, но ворсами тем, доверчивым снегом.

Не жаром, а холодом в сердце дознью
От слов, что написаны были тобой.
Как рыбка, из рук може ты ускользнула.
Себе показалась я сетью пустой.

А все ж замечталася. Былое волненье
Ты будишь... Надоиды не знают понек.
Как стронули побывшего стихотворенья,
Твою склоняю улыбку и смех.

Не верилось мне, что придет этот миг!
Все же время настало [все минуты срок]!
Вернут этот снимок, позиционный мной,
Ах, так захотелось мне быть одиночкой,
Как раньше хотелось быть вечно с тобой.

Мтвариса КЕРЕСЕЛИДЗЕ

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Я все чаще,
Все чаще,
Мама моя
Шлю тебе письма.
Ты к шестому десятку уже подошла,
И все чаще я чаще
Я пишу тебе письма,
Чтобы не было в доме тебе одиночко,
Чтоб не думала ты:
Виноградные лозы посыпли,
Чтобы все, как и прежде,
Имело свой смысл,
Свою цену.

Когда белые чайки
Унесут зму к морю,
Привезут тебе птиц золотых,
Твоих змуков: Бакури и Тамти,
Чтоб от радости ты
Поднялась на седьмое небо.

Я привезу тебе внуки:
Бакури и Тамти,
Чтоб ты сколько ощущила
Цену свою.
Ибо ты часто мне говорила:
Коль никому ты на свете не нужен,
Цена тебе меньше соломинки,
Даже если живешь ты в шатре
золотом.

И все кажется в мире бесцветным.
Коль никому ты на свете не нужен,
Даже если ты храмом представишь
себя.
Ты бессмыслен,
Словно Светцовиеви¹,
Без фресок и без образов.

¹ Светцовиеви — храм, памятник древнего грузинского зодчества.

жизни, родины, поэзии мастеров. Но дарование звучительно. Оно требует голоса.

Молодая грузинская поэзия развивается разнообразно, как и молодая грузинская живопись, музыка, кинематография.

Печально в первом, чтобы представить читателям «Слеси», — поэты именем молодые, поэмы.

Нодар Джакадзе приобретает ее более широкую известность. Голос его отчаянно заменяется среди голосов его соавторов. Он поэт, уже в целом сложившийся. Думющий поэт. Его уже не раз переведены на русский.

Поэтесса Мтациса Керсеселидзе лирична, лирическая к природе.

Интересен и своеобразен Бердна Беридшивили. Ею пронесется тема мужества в ее слиянии с темами родины и любви. Он не случайно выбрал в «Дубах» из своего стихотворения эпиграфом строку Г. Леонидзе: «Напишем лес грузинский».

Будучи давно связана с грузинской литературой, я рад представить читателю этих молодых поэтов. Вместе с тобой хочу заметить, что поэзия Грузии последних лет вообще обогатилась новыми именами и вызывает большой интерес.

ГРУЗИНСКИЙ...

СНОВА ОЖИДАНИЕ

Я ждала тебя, как в горах чабаны
Ждут, когда разойдется туман забычий.
И были в тогда
то дождливой тучей,

To закутанным в обикно ликом луны.

И когда уста говорили: «Нет! —
Сердце сразу: «Да!» — кричало в ответ.
Как чабан отстор берегает.
Я лепила близости нашей свет.

О мечта о счастливой нашей судьбе,
Словно роз весенне благоуханье.
На свой лучин апреле посыпала тебе,
На былья в похона линь

На склонядь.

И пришла я, как доядь.
Легкий шелест и шум.
Небесная на приткнишь твой

палисадник.

И застала я в дом твоем утренних дум,
Мой застала я дома
И мой виноградник.
Не взяла я с собой

ни печаль, ни буду.

Да, я женщина, Да, это так.

Но я верность.

Я могу быть весной.
Я мороз отведу.
Растоплю в снегов
голубую безмерность.

Я могу быть улыбкою
или слезой,
Только самой чистейшей на свете
слезою.

И смогу наконец
рядом-рядом
с собой

Я услышать дыханье твое дорогое.

Я могу удивительно строгою быть.
Не услышать и ласконика воскликнья.
Ведь дыханье любимого может вместить
Все, что радует...
Верное это дыханье...

И сейчас, когда находитя, все до конца
Мы сказали,
сказали друг другу
до слова,
Ожиданье иное нам греет сердца...
Ожиданье, ты возвращаешься снова.

Бердна БЕРИДШИВЛИ

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Когда в груди уснился бичево,
Себя тотчас почутствуйте бойцом...
Хочу я так сплюнуть стихотворенье,
Чтоб кто-нибудь пропел его потом.

Сердца друзей на крепость проверяю,
Ведь на просторах утренней земли
Я лишь такие травы собираю.
Что и болтыми бы помочь приносли.

И в дождь, и в снег заветную спругу
Люблю. Волненья в сердце не унять.
Я тем легко противлю руку.
Кого взбодрите обязан миль поднять.

Знать не знаю в спутнику такого,
Что равно словом теплым одарят,
Ведь я в словах науки такое слово,
Что обнадежит, верой озарят.

Я тех люблю, кто сам думи не чает
В беспечной и бесмертной любите.
Но колыбель, которую качает
Не мать — другая, горько видеть мне.

Возносит розы в плачей перепалке
Цыпленое дуновение весны,
Но прежде роз
замечу я фланки,
Они с рожками более скромны.

Любовь дыханье милое сплетает
С моны. Ты здесь! Да будет вечно так.
Порой тепла и солнцу не хватает,
Когда на поля облегает ман.

Зазнайство я от братства не отторжен.
Я селятель. И в ведро, и в туман
Я твердо знаю, знаю: что-то должен
Ручьем и сам великой склон.

Следы святые предков
я целую,
Как ты, как он.
В нас общий дух горит.
Мы вонны... Прокляти бы жизнь такую,
Что кто-то с чистым сердцем повторит.

ЛИСТЬЯМИ ДУБА. КОРНЯМИ ДУБА...

«Напишем лес грузинский»
Г. Леонидес

Листьями дуба, корнями дуба,
Больными стручками рек...
Песнь, что всех зеленое, думал
Я волюстить на век.

Песнь

человеческую на деле,
В неновых, как сталь, стихах,
В малческих побегах Рацакели
В долах и на горах.

В солнечных красах весны и лета
Будущее само!,
Родина, ты мой пергамент леса,
Свернутый, как письмо.

Лес мой грузинский, ты здохновене
Вечи шумящих строк.
Каждое дерево — стихотворенье,
Рифма — любов инсток.

«Ракачели — виноград, растущий
в Аланской долине.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК КОМСОМОЛЬЦЫ — СТРОИТЕЛИ
ЯВАНСКОЙ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
СВОИМИ ДЕЛАМИ ОТВЕЧАЮТ НА РЕШЕНИЯ
НЮЛЬСКОГО ПЛЕНАРУМА ЦК КПСС

ВОСЬМОЙ ЦВЕТ РАДУГИ

Альберт УСОЛЬЦЕВ
Альберт ЛЕХМУС (фото)

ЭТО ЯВАН. Яван в переводе с таджикского означает безводный. Если путник просил поесть, то ему выносили хлеб, фрукты, мясо. Воду не выносили. Вода в Яванскои долине раньше считалась на капли. И каждая была дороже золота, потому что приходилось доставлять ее на носках за многие десятки километров.

Сверху долина покожа на гигантский стадион. Трибуны — горные краяки, окружившие Яван со всех сторон. Опаливающий ветер «карганец», переваливая горную гряду, казалось, выбирает долину местом своего постоянного отдыха. О воде слага-

ли легенды. Из уст в уста передавали яванские старинки мечту о юноше Фархаде, который прокопал гору и пустил к своей возлюбленной Ширин живительную воду. Единственным его орудием была лопата. И работал он один. Гигантский труд сказочного Фархада показалось всего лишь каплей, сравниваемой с морем, если соединить его с работой, сделанной строителями «Явандистроя».

29 марта 1968 года в 12 часов 49 минут направленным взрывом было выброшено 1,55 миллиона кубометров скальных пород и перекрыто русло Вахша. Началось строительство Байзинского гидроузла.

Под хребтом Каракату был пробит

Молодой строитель Явана — комсорг передвижной механизированной колонны № 12 Соня Баширова.

Вместе с людьми в долину пришла техника.

На улице Явана. Со смены.

туннель протяженностью 7,4 километра, диаметром 5,1 метра. Он наклонен в сторону Яванская долины, и вода идет по нему самотеком. За выходным порталом она поступает в 600-метровую подземную выработку, и в конце ее делится на две ветви. Левая идет по ровному краю долины и потому сплошь самотечная. Правая — в горах, вдоль нее построены мощные насосные станции. Их шесть: пять в Яванская долине, одна в Обнинской. Каждая станция обеспечивает подъем воды на 35—40 метров. 34 тысячи гектаров земли будет освоено в Яванская долине: 20 тысяч из них уже получили влагосодержащую почву. По 40—45 центнеров с гектара цементного тоннажолоконистого хлопка собирают на обводненных землях. А раньше собирали всего лишь по 4—5 центнеров гузмы — молащеного хлопка.

Семь строящихся новых совхозов уже начали приватизацию. Годом спустя более 75 тысячи тонн высокосортного хлопка, около 60 тонн животноводческих кормов, 10 тысяч тонн бахчевых культур и овощей, 3 тысячи тонн фруктов и винограда. И это все даст бывшая пустыня.

Сюда же следует добавить и свыше тридцати наименований изделий производимых в Яванская долине.

Рядом с промышленным комплексом возникнет и новый город на 120 тысяч жителей. Есть план детальной застройки шести микрорайонов.

От Термеза через Курган-Тюбэ к Явани тянется железная дорога.

Будет построено 23 дюкера, 28 акведуков, более 600 крупных гидротехнических сооружений. Для приватизации оросительной системы необходимо выполнить земляные работы объемом 50 миллионов кубометров...

Цифры, цифры... Сколько же они, эти строители Яванская долиной!..

ЭТО САЙДАЛИ. Сайдали Сафаралиев родился и вырос в Яванская до-

Прическа операция —
монтаж водовода.

●
Яванский хлопок.

●
Курбан Абдуллаевое
работает монтажником.

●
Веселый летний дождь.

лине. Здесь окончия школу. Отсюда призывалась в армию. Сюда же вернулся после службы. Работал на стройке шофером. И вот вызвали в партком. «Думаем, Сайдали, рекомендовать тебя на должность начальника комсомольского штаба», — сказали Сайдали. Шутка ли, стройку-то Водоводную в Яве! Кому пробре- ли гончель в горах, стягивали бики на одних решавших участке. А сейчас по всей семидесятикилометровой долине разбросаны. Из местных, заложили есть — что правда, то правда. И к земле сердце приклоняло не на дни, не на год, а навечно. Помнил Сайдали эту землю, уставшую от безводья и сырости, отсутствия привратников и движущихся поездов. Ощущал в ладонях сухую белую пыль и говорил тихо одно лишь слово: «Явь...». Помнил и хотел сделать землю живой, доброй. А живой ею делали со всех концов страны, приехавшие со всех концов страны. В долине они не звучит говор на сорока шести языках. А Сайдали знал только таджикский язык, знал только землю, землю покоя парня смотрителя пограничной заставы Сергей Петрович Серегин, главное, чтобы было бесспорство. Бесспорство за дело, за стройку, за ребят. Пустыня могла простить слабость — ничего, со временем окрепнет; пустыня могла не заметить робость — ничего, со временем осмеливается, пустыня не прощала, не прощает слабости. Это Сергей Петрович знал: он сам называл Яву с первого колышка. Знал и подметил важную черточку в характере Сайдали.

В Душанбе в ЦК комсомола Сайдали сначала вроде бы «не произвел впечатления». Понять можно требовательность ЦК: нет высшего образовательного уровня, который работал, в голосе вроде бы полномощной твердости недостает. И вообще слишком скован. Сложен во всем — в речи,

в движении. Как бы не проявилось это спокойствие в делах.

Но потом стало ясно, что в том и сила характера Сайдали: в неспешности мысли, но верности делу. Таким был характер отца, такое качество привнесли в семью предков, веками обживавших Яланскую долину, некогда кочевую, ковчарную...

Беспокойство...

Свой человек Сайдали на стройке. До всего ему есть дело, будь то какое-нибудь «Иль», требующее срочного участия рук комсомольцев, или совсем крохотный вопрос о... холодах.

Холодильник в пустыне... «Ну, уж это, девушки, для вашего общины-тия слишком большая роскошь!» Так отвечали хозяйственники на просьбу девчат передвижной механизированной № 12 поставить в их общежитии холодильник для продуктов. У ребят такой «роскоши» тоже нет — и ничего, кроме тепла, они не хотят. Но ведь еще всю жизнь без холодильника живут. Девчат поддержала Сайдали. Добавили хозяйственники холодильник. Беспокойство...

Прибыл девушки на стройку. Надо бы в соответствии с образованностью, поставить ее прорабом, а начальник участка воспротивился: молоды еще, пусть в рабочих походах. И, конечно, обрадовалась девушка: «Да, и киргизские взгляды со стороны: хотят, мол, учились, учились, а карман с наим лопатой раствор месили. И, конечно, скороспелое заявление на тетрадном листе: «Прошу уволить по собственному желанию». Узнал об этом Сайдали, «А к нам почему пришла?» «Куда это вы вдруг?» — встречный вопрос из местного жаргона. А вы что, можете отменить решение начальника участка? «Дело не в отмене. Разберемся, что к чему. Может, тебя действительно надо поставить сразу прорабом...» Повеселила девочка. «А может, и нужно в рабочих походить... закрою-

тает Сайдали. — Учеба учебой, а на нашей земле строить — большое умение и опыт надо. Грунт слабый, под фундамент сначала сан забиваем... Одним словом, понять землю надо. А с заявлением не торопись. Задача — прораба в штабе».

Беспокойство...

Надо для рабочих душевые строить. Шоджаку Шарипову помочь план составить... Как никак организация огромная, а секретарем он все-таки несколько месяцев... Подумать о ритуалах посыпания в рабочие. Недавно нескольких ребятам вручили медали. Как же быть? Стоять на глазах этих машиниш? И слова, казалось, обычные говорили, и в наборах инструментов самые обыкновенные — из магазина, — но подожди — у парней даже слезы на глазах выпустили.

«Путевки в ущелье»... А это что такое? Девчата придумали: после насыпных работ на стройке им надо отдохнуть в Верзебском ущелье. Это больше ста километров. С ночевкой у кости, с песями. Соня Баширова, комсомольский секретарь передвижной механизированной колонны № 12, говорила: «С машиной что-то не клеится. Надо помочь».

И так весь день.

И так весь год...

И только поздно вечером, шагая

по пыльной дороге к дому, Сайдали вспоминает: «А Малике оранжевого мишка опять забыть купить». Малика — донка. Малика в переводе — ца-рица.

ЭТО ГУЛОМ. Гулом Шералиев — тракторист. Его могучий «Кировец» с рабочими на борту — то надо везти потихоньку на участок, то перебросить комплекс труда.

Гулом совсем недавно сменил солдатскую гимнастерку на комбинезон тракториста. Но и сейчас сохранился у него солдатская подтянутость, аккуратность во всем. И сейчас Гулом

похож на солдата. В вагончике, что стоит посередине пыльной стены, ни пыльники. Окна тщательно завешены. Кругом чистота и порядок. И в разговоре армейская четкость. Вот и поэтому я спросил у Льва Кассиля: «Могу спросить у него что-нибудь такое, драматическое для журналистского блокнота? «Так точно»: «Никак нет». «Работают, нормы выполняются», «До армии работали на строительстве гидроузла», «Нормально работают, нормы выполняются»: «Кандидат в члены КПСС», скромно прибавил он в пыльном будке, поглядывая вправо. Дальше: «Да, был делегатом XVI съезда комсомола», «Да, перед ребятами на участках выступали, рассказывали о съезде», «Друзья мои! Да вот они — Барис Хидиров, Бобомурод Закирев, Абдулло Каидиров. Ничего, хорошие ребята, нормально работают, нормы выполняются». «Ах, да! Для дня рождения мы отмечаем вместе. И подорожник там и обед праздничный». «Мы тоже смеялись в пыльном будке, поглядывая вправо. Вот так. Но все-таки удалось — правда, у друзей Гулома — узнать, что в этой на первый взгляд обычной жизни было и несобытое...»

«Да, строится Яванская гидроэлектростанция. Байконинского гидроузла от весенних талых вод начались оползни. В котловане завалило машины, механизмы. Несколько дней и ночей не уходили бульдозерист Гулом Шералиев с опасного участка. В прошлом году смывы грязи с насыпи. На участке создалась аварийная обстановка. Спасение машин и людей, не сорвалось со временем. Установка, работая Гулом, ликвидировала последствия разбушевавшейся стихии.

Но об этих бесконечных ношах Гулом вспоминает с улыбкой. И припоминает почему-то только смешные детали. Впрочем, ясно почему: ведь он бывший солдат. А солдат о трудном походе вспоминает с улыбкой.

ЭТО СОНИЯ Соня Баширова

Нравится мне, понимаешь, привыкшая секретарь ЦК комсомола Таджикистана Роза Бобосадынова. Я понимаешь, даже влюблена в нее. Смешно это, наверное, но я влюблена. Есть в ней что-то такое. Ну, такое, какое нет есть, — даже не знаю, как сказать. А может быть, это была та-кая, как она... Знаешь, я однажды подумывала уехать из Яванска... Я ведь родилась в пропаханных тюменских лесах. У нас там и солнце мягкое, добре, и трава, и лес... И стройка огромная рядом... И радуга после дождя... Мать моя родилась в селе, в деревне, в глубине тайги. А как подумывала: ну, уеду, а что в сказку Роза Бобосадыновой? Что в ответ на ее вопрос: «Почему уезжаешь?» Вот так и идет третий год...

Странно, дома мы стоим. Хорошо посыпь себя на землю, дом оставить... Жить в нем кто-то будет, а ты уйдешь дальше строить новый дом...

Сильных людей пустыни любят... Не знаю, как получилось, но подходит ко мне девчушка одна. Хочу, говорят, я тебе в brigadiре первей. А работы нет, и я не могу предложить какой работы. Но brigadier, говорю, я, а комсомольский секретарь... Но приходи, коли желание строить есть. Сейчас она у нас работает...

А домой я съезжу, вот получу отпуск и поеду. Вернусь ли? Конечно, вернусь. Я ведь и маме пишу, что здесь жара сорок — сорок пять, что пустыня, что горы, что снега, что дождь... И землю будет... Все будет...

А радуга? Помоги на дождевальную установку... Вот это и есть наша радуга. Восхимый цвет! Созданный людьми!

...Разные по характеру строители Яванская долины. Но есть что-то у них общее. Лучше всего об этом сказал каменщик Владимир Закирин: «Есть у человека два главных места на земле: первое — то, где родился, второе — где оставил свой рабочий след».

Рисунок
Александра
Мещанинова

Публикации «Смены»

Умер Лев Кассиль — замечательный человек, прекрасный писатель, оратор, публицистской страны Сахалин и многих других стран — ведь каждая его книга была открытием новой обетованной земли.

От его книг остается четкое и ясное ощущение — ощущение чистоты. Его герои обладают магнетической способностью заставлять взорвращаться к ним асфальт. И где бы ни находился Лев Кассиль, звучат как афоризмы: «Человек — друг героя», «Удиви хладного смысла»...

Лев Кассиль был замечательным писателем. Но он был и замечательным человеком. Нет, пожалуй, ни одного детского писателя — ни молодого, ни старого... чьи судьбы не соприкасались бы с Кассилем, с его эпизодами, советами, строками словом непредъявленного критика. Многие годы Лев Кассиль вел семинар в Литературном институте, участники V, IV и предыдущих всесоюзных совенций молодых писателей облаганы ему, как ученикам бывшим, общими учениками.

Судьба Льва Абрамовича Кассиля тесно связана со «Сменой». Здесь он неоднократно ограждал из своих первых поэтических в драмате тридцатые годы, спасая маленькой сочинкой недавно со своей новой статьей, посвященной красавицем воспитанницам молодежи. Надо сказать, что вообще непосредственное участие в делах комсомола Лев Абрамович считал непререкаемой и важной работой.

Горький когда-то заметил, что человек, чтобы оставаться человеком в погоне любви, должен написать книгу, вырастить человека, посадить дерево. Лев Кассиль написал много прекрасных книг, вырастил сотни прекрасных людей этикетами, вырастил много деревьев — это работы его детских писателей...

Полугодичное изложение о смерти старого друга «Смены», им, ее ее авторами, раскрыли подиумы журнала и решили, что лучшей памятью писателю будет его новое выступление в журнале. Его новое обращение к молодым читателям...

Итак, Лев Кассиль. 1939 год. «Смена». Рассказ «Матч в Валенсии».

МАТЧ В ВАЛЕНСИИ

Площадок «Комсомол» стояла в те дни у стенки в испанской гавани Вальядлунга дель Грасо, близ Валенсии.

Война была в разгаре, в гавани и в городе все двигались, жило, шумело тревожно и возбужденно.

Ждали очередного воздушного налета. Зеркальные окна магазинов были зарешечены накаленными из стекла булыжными лентами. По вечерам город гасел огнем, и горели только синие фонари из фольги, темные моря для лестей во тьме приносили свет. Каждый монитор извещал темнее очко. Ночью валили сюда волны, чтобы предупредительные сирены, взмыла волна сигнала, и город замерал в полной тиши и тревоге. А утром собирались у больших зрачков плафетов, которые вились к сознательности населения, просили не устраивать больших скоплений на улицах, ибо «враг ищет сущак для массовых убийств».

И вот однажды утром рядом имени с таким плафетом мы увидели огромную афишу: «Футбол! — промах на май и забыл о соседнем плафете.

«Футбол! — Барселона Все на стадион!»

Матч был назначен на воскресенье, а в пятницу к нам на корабль явился сам Мангуз Руфо, фаворит валенсийских болельщиков, лучший игрок валенсийской команды, обожаемый Маноло Руфо.

Он, Маноло, Маноло! — кричали ему грузчики, работающие на нашем теплоходе.

И тепличный приветствовал их с нашего трапа, ведя под пахом советских моряков на воскресный матч. Он принес кипу бумаг, — «Сообщение о матче», — «Баланс», — «Сообщение о матче», — «Баланс»...

— Это наш последний матч, — сказал он кто-то из наших.

Моряки, в итоге, и жажда... — услыхались они, покаж широкими плечами, — кто знает... Но именно потому, камардос, игра будет очень серьезной. Мы уже не первый год встречаемся с Барселоной. Каталиони — наши старые противники на поле. Мы должны им напоминать вскрыть, за прошлогоднее поражение. Это было чистая случайность, клянусь вам, каракифа, чтоб вергите это Санчо!

Вы слышали о Санчо? Как, вы же на своем суде нам известно, если даже о Санчо Григориосе вы не знаете о нем? Итак, Григориос — лучший игрок Барселоны, правда, как будто он проиграл Канало! И так, вновь, поверите мне, нет болельщиков одной команды на свете... От него не уйти, от него не убежать, он минует вас, лапает, понимаете вы или нет? От него становится душно на краю поля. Кому, как не мне, знать этог? Он правый полузащитник, а я — заметьте, себе, ибо вы, вероятно, не слыхали и обо мне, —

к. Мангуз Руфо, играл на левом краю. И даже мне не пребывать, не предложить от этого двойного. Что за молодец! Но в воскресенье я ему докажу, что может сделать Маноло Руфо, когда он решит взрыться за дело. Вы увидите. Присмотрите к нему.

Скучату не придется. Это наша последняя встреча с ними на поле... Мы вместе уходим на фронт. Поеzd отправляется через час после матча.

Он сбрасывает клюк, чтобы на воду всплыли, что то, кладя себе по мбру.

О, каракифа! Чуть не забыл... У нас есть такой обычай. Самый почетный наш гость сам открывает матч. Советские моряки — лучше гости Валенсии. Мы просим капитана русского корабля сдвинуть первый удар по мячу.

Большой валенсийский стадион был полон в это воскресенье. Все билеты были проданы еще накануне, хотя у касс стадиона спорная дата с другом да плафетом. Плафет мундиципалитета просил не скопляться. Афиша со своим младежи призывают всех валенсийцев прийти на стадион, ибо сбор от матча шел целиком на нужды республиканской армии. Второй плафет насторожил.

В этот день Валенсия праздновала первую годовщину гражданской войны, и стадион трепетал легкие и нарядные флаги с гербом Валенсийской провинции: три серебряные звезды на голубом поле и орнаментные полосы непременно с жемчугом. По случаю городского праздника многие пришли на стадион в национальных костюмах. На мужчинах были жемчуг и красные колпаки со шпицемщиками кистями и свободные короткие белые штаны, белые чулки, легкие флаги с широкими шелковыми кушаками, плотно намотанные на талии. Девушки были в очень ярких и пестрых плафетах с белыми кружевными передниками, с белыми гребнями в волосах, с распустившимися валенсийскими розами на груди.

Стадион, вспыхнувшись, превратился в шумный, жадно начавший играть. На трибунах, звягнутых синтетиком, движением иного митингованию очищены альбиносы, сияя капитаны, пылая медную «оранжаду». Изредка кто-нибудь из под, ладонь отгадывала небо, сознечно, но без особой тревоги, как обычно смотрят болельщики: не будет ли дождя, не испортит ли погода игры?. Но сейчас в небе искали не тучу...

Команды вышли на поле со своими городскими знаменами. Каталиони были в сине-красных майках, валенсийцы — в оранжево-желтых. Оркестр сыграл медленный, громящийся гимн Каталиони, потрясающий песенку «Суладор», а потом «Розы души» в исполнении Альбиноса. Суладор подхватил ее. Потом все же вспомнил старую песню, величественный «Гимн де Ригос».

Команды выстроились в центре поля, Антон друг к другу.

Каталиони надсадил более коричневатым, чем валенсийским. Нам сразу показал знакомого Григориоса. Маленький, курчавый, полногрудый, с круглыми насыщенными глазами, он стоял на левом конце строя. Он жутко наподдавал на противников, то на него, то на публику. На трибунах с почитательным недружелюбием толкали о достоинствах этого опасного противника. Мангуз Руфо приветствовал любовно и с гордостью Маноло... Наш Маноло!

Держись, Маноло! Покажи этому коротышке Хомел!

Вдруг все вскочили. На поле вышел наш капитан Георгий Афанасьевич. Его сопровождала команда республиканской армии. Стадион аплодировал.

Оркестр заснул «Интернационал». Девушки бросали розы нашему капитану.

«Вива, Россия!» — кричали игроки. «Да здравствует СССР!» — провозглашал перенесенный стадион. Когда все стихло, судья мота соединил руки предводителем обеих команд. Капитан послал рассказы, что говорил судья.

— Камардос, — сказал судья, — вы стоите друг против друга последний раз. Завтра вам придется драматично поменяться местами. Капитан будет играть Помором, а вы, что ли, испанским героям. Будьте бережны, камардос. Всю руку и ногу я уж вам отрублю. Они припадают уже не только вам. Будьте бережны, прости баск. И пусть подводитель выйдет сильнейший.

Над дождем тибетатора появился транслятор: «Валенсийцы и каталоны! Облаждайтесь на защиту Испании! У нас одна судьба, один враг!»

Команды разбежались по местам. Капитан на меловую поддошву подошел к мячу. Рефери приложил сирену к губам. Георгий Афанасьевич, сопровождаемый погондев в сторону нашей ложи, ткнул ногой мяч и тотчас отскочил в сторону. Он еле выбирался из извивавшейся вокруг него скамьи...

На поле все мчались, спешающими шагами, стремительно перемещаясь из конца в конец, из конца в конец, из конца в конец. Там, где было место для драматического положения то у ворот Барселоны, то у ворот Валенсии, и публика бесновалась, кидаясь, опадая на скамьи, подпрыгивая, вопя, рукоплеска и проклиная.

Нигде еще не приходилось нам видеть такого азарта на трибунах, такого темпа на поле.

Мангуз покуцали, подбадривали, умолкли. И он оправдал надежду, сограждан. Как ни держал его вертиг и неуступчивый Санчо Григориос. Мангуз прорвался и вместе с мячом ушел в старт барселонских ворот. В наборных кассах наейдется столько воскликательных знаков, сколько потребовалось бы здесь перед первыми воротами стадиона. Мангуз осмыслил цветами, девушки посыпал ему воду из фонтанов. Оркестр играл песню Валенсии.

Что, коротышка? — кричал Григориос. — Что скажешь, малыш? Тебя, кажется, еще укоротят.

Григориос не обращал внимания на эти крики. Он только отгнулся от сердитых поблизке к краю и словно присосался к Мангузу. Он неистово следил за мячом, летя поспева, перекатывая подачи, мешая бежать, оттиснув в сторону. Руфо пытался обходить его, делая фальшивые броски, но отделься от Санчо мяч. Карапуз преследовал его по пятам и пнул все время. Несколько раз Мангуз стоял горячился, ударами в голову, тела, ноги, в спину, споткнулся. Григориос, несмотря на то, что ему подавали мяч, как забытый, сопровождала его, вертись, как онтрака около взъерошенного быка, не дава Мангуза дасту в воротам. Публика уже стала посыпаться над беспомощностью Мангузы, тем более что победа города была уже обеспечена еще двумя мячами. Но вба их не Маноло. Все его усилия были направлены на Григориоса, начисто «закрыли» его, и команда, видя, что левый край поля непрочудим, стала все реже пасовать Мангузу.

Виновато у ворот Барселоны сила заварилась каша... Публика привыкла на трибунах. Но этот раз Мангузу удалось убежать в кое-каком виде. Но тут подоспевший Григориос, неудачно удалив мяч, отвел его в сторону. Удар был неудачен. Мяч скользнул в лесу над самими воротами. Мангуз, запрыгнув в ожидания, когда мяч вернулся на землю. Он откликнулся мячом Санчо, пытавшегося оттиснуть нападающего от ворот. Мяч выскоцил над головами мадридцев, пересек перехода в ворота. Но вдруг Санчо, замерзший, как и все, с задранной кверху головой, закричал:

— Аппарато!

Все увидели: медленно пыла над городом, над стадионом большой самолет. В типисе все услышали зловещий рокот. Мяч между тем беспрестижно упал перед воротами, и Санчо Григориос отошел в поле. И тут все услышали его настороженный, резкий голос:

Эх, валенсийцы, каталоны выолосатесь... Это же пассажирский лайт. Просмотрите! Смотрят надо.

И стадион трохнул таким хохотом, что одуревшему Мангузу показалось, что его руку в тартарах... Он рассердился. Что такое, каракифа! Он сициякоже пакожет сделать Мангузу Руфо, когда он берется за дело всевременное. Мяч через минуту оказался на его краю. Он бросился на мяч. Санчо забекал немножко шире и хотел задержать Маноло. И тут Руфо что есть силы удалил мяч поступке. Санчо упал и стал кататься от боли на траве. Судьи синистра, стадион завопил. Все видели, что Мангузу ударили умышленно. Но Руфо, это Санчо вынес его из сици.

Григориос улемел с пола на руках. А оторопевшему Мангузу судья предложил покинуть поле.

Стадион бушевал.

— Нуу! Бахо! — кричали с трибун. — Уходи вон, Руфо!.. Долой его!.. Мало фашисты калечат нашихи! Руфо решим помочь им! Бахо!

Ленты апельсиновых очисток, жеваная бумага лежали в Маноло, когда он, вытихнув и славившись, исчез, не шел с пола.

Когда мяч кончился, Мангузу, неизвестно сколько времени, уже одетые в вернувшиеся солдаты, уже в одной форме республиканцев. Только у Мангузы Руфо было оружие, с винтовками на наплечных ремнях. Тогда же на него было обута под руку маленький Санчо Григориос, одна нога которого была не обута и забинтована.

— Камардос! — сказал Мангузу, опустив голову, и все стихи. Камардос! — повторяла себе на губах и товарищ. Но и уже виноватый Торрес поручил мяч вылечить Григориоса, потому что он, видите ли, не заслуживает, и не виноват.

Санчо, и славный малый! Мне очень жаль, что я его немножко повредил.

Ничего ничего, Маноло, — сказал Григориос, — это все пустяки. Уверю тебя, я скоро сниму это с ноги, а ты сбросишь повязку с рукава. С таким лекарем я живо поправлюсь.

Им аплодировали оба. И они стояли радищком: огромный Мангуз с позой визажиста красного креста и маленький Санчо, поджавший большую ногу...

СКАЧКА ПО

Виктор ВОРОБЬЕВ
Фото автора

Шлемы, спасательные жилеты. В своих костюмах спортсмены меньше всего похожи на гребцов.

Городок слаломистов на Черемоше.

Последние новости с дистанции: еще кто-то «кильмус».

Нет, это не авария. Так состязаются слаломисты.

ВОДЯНЫМ СТОЛБАМ

Водяные столбы — это из терминологии спортсменов, соревнующихся на быстрых сплавах горных рек, где вода, стиснутая берегами, гудит, как сильно натянутый канат, а на поверхности образуются волны, которые бросаются на места волн. Когда скользишь по воде, они не кажутся серьезными препятствиями. Но вот на реке замелькали весла. Байдарка летит птицей, предельно напряжены гребцы, тревожно вглядываются они вперед. Словно легкий мячик, подхватывает река лодку и мчит ее к водяным валам.

Несколько подобных опрокинулось на моих глазах. Гребцы с трудом выбрались из-за берега, байдарки снова нервно покачиваются. Одна из байдарок, спущенная с нескольких километров выше по течению. А мне все не верилось, что эти почти неподвижные столбы обладают такой силой. Своими сомнениями я поделился с руководителем команды спасателей, мастером-инструментальщиком из Киева Валерием Гузем. Вместо ответа Валерий предложил: «В лодке одно место свободно — садитесь! Мы должны пройти всю трассу скоростного спуска — около 25 километров».

Через несколько минут, упакованная фотопапиеткой в целлофановый мешок, я облазилась в спасательный жилет и белую каску. Без этой амуниции на воду не пускают. Гузь, сидевший на коромысле, кратко промонстрировал: «Если вышибут из лодки, не пугайтесь и не суетитесь. Главное не вы沉ите на бортах. Запомните: жилет не даст утонуть. Развернитесь лицом по течению. Ноги — пятками вперед. Страйтесь сразу выбираться на отмель».

Лодка вышла на быстрину и, словно обретя крылья, ринулась к цепочке водяных столбов. А гребцы, сидевшие на бортах лодки — Валерий Жук и Александр Пенникович — налегали на весла.

Первый удар был довольно мягок, но следом за ним последовал второй, словно о каменный монолит. Этот удар сметал всех нас в лодке, потом она ни с того ни с сего встала на дыбы. Может

быть, мы и растерялись бы, но наш капитан (на-верно, он все также спокойный, умудренный опытом) Валерий Гузь сказал:

«Весла! Гребти ровно! двух сторон! Валерий Никита самодовольно! Табанить в сам умею!»

Парни налегали на весла, и когда лодка снова вздыхнула, мне из-за их спин показалось, что они загребают синеву неба.

Следующие столбы дались нам легко, мы как бы поднимали их под себя. Но каждый из них награждал нас огромной порцией воды, мы были насквозь мокры, и не успев отшвырнуться, опять всплыли в мире все без перемен. А за излучиной все повторилось сначала. Только теперь среди столбов затаялись два «жкандара» — одинокие острые камни, которые река там и норовила вынести лодку. Однако мы успели обогнуть и эти камни, и вновь оказались в многочисленных средних и даже называемых «прикониками» — где берег был вымышен бревнами, чтобы не застывали плоты, и к которому лучше не приближаться. И когда за «прикоником» потянулся большой участок спокойной воды (о нем Гузь сказал: дрань река!), я уже начала понимать, что заставляет этих парней ежегодно приезжать на Черемош в гости к этой бурной воде.

А потом были еще перекаты и «приконики», плавающие деревья, и час несло и швыряло, накрывало водой и бросало на мели. Мне доверили весло, и я отчаянно греб (чувствуя спиной придиличный взгляд Валерия-капитана), инстинктивно наивалывалась грудью на борт под обрушивающимися лавинами воды, а в душе росло радостное чувство проницшего к новому, захватывающему виду спорта.

Он еще совсем молод. Всего несколько лет проводится соревнования по технике водного туризма. Но у него уже богата география: под М-

ской — на Волтуше, под Киевом — на Тетереве, под Ригой — не Амате, под Ленинградом — на Лосевском пороге, и здесь, в Карпатах, — на бурном Черемоше русские и эстонцы, украинцы и латыши меряются силами с быстрой водой. Инвентарь и обмундирование — обычные для соревнований на воде. Но есть и новые, необычные, модельные пестрые веши, которые на пронизанных шинах развеиваются над рекой, образуя ворота разной ширины. В некоторых местах ворота укрепляются на огромных «кудочках». Соревнующиеся должны преодолеть трассу, не задевая веи ни всплески, ни лодкой. Всакое касание штрафуется.

Только смелость, прекрасное знание реки, физическая подготовка и мастерство вождения лодкой могут принести гребцам к победному финишу. Ни в одном другом виде спорта не видел я столь активных болельщиков. Едва лодка выходит со стартов, как следом за ней по берегу бросается свистна. По камням и валикам, через ручьи и обрывы мчатся они за своими друльчиками, подбрасывая их криками, давая на ходу советы, которых гребцы, конечно же, не могут расслышать со шумом воды. Толпы людей, сидящих на берегу, не спешат уходить, чтобы заглянуть в блокнот — не записан ли штраф. И когда они, запыхавшиеся, останавливаются у финишных ворот, то видишь, что нагрузка у них была не меньше, чем у гребцов.

Водников-слаломистов объединяет удивительная любопытность в свой необыкновенный спорт. Им приходится на себе таскать лодки к месту соревнований, их гостища-плотники на берегах рек, находящиеся в отдалении от цивилизации, не дают ударов о камни, но они, несмотря на это, плывут... А по вечерам у костров мечтают о водных стадионах, где по искусственно устроенным руслам разных категорий сложности можно будет мачтиться перед трибунами, заполненными зрителями, примерно так, как сейчас выступают на дорожках бегуны («девушка, которая днем «кинулась», предложила, чтобы камни в этих искусственных реках были добавлены»).

Не случайно гребной слалом на специальных судах — байдарках и каноэ — включен в программу Олимпийских игр 1972 года. Он очень замечательный, этот слalom на воде, как альпинизм, как подводная охота, как любой другой вид спорта, где конечной целью человека является победа над стихиями. Побывав на соревнованиях московской на речке Волтуше, на горном Черемоше, посмотрев трансляцию соревнований из подмосковного города Истра, я точно знаю, что теперь не смогу пропустить ни одних больших соревнований, где бы они ни проводились.

Чемпион мира верен себе

Необычным по форме и весьма интересным был международный шахматный турнир, прошедший в нынешнем году в голландском городе Лейдене. Четверо — израильянин Б. Спасский и М. Ботвинник, «хозяин поля» Денин и американец В. Ларсон — сыграли друг с другом в четыре круга. Пройдя турнир, состоявший из двух сдвоенных соревнований, первым пришел к победе израильянин мира Б. Спасский. И следом за ним, который уже ради — ему удалось одержать победу в четырех встречах соперником Вентом Ларсеном. Приподняв концепцию этого почетнейшего шахматного поединка.

Б. Спасский, игравший черными, маневром ферзя 15...Ф-с7 атаковал неожиданно. Венди было нужно было отойти слоном к F5, и в дальнейшем избежать опасности, обратиться к интуиции на королевском фланге. Но это не удалось Б. Спасскому, и он, склоняясь к своему возлюбленному и без долгих осуждений отдал слона. Авиатора было удобнее и быстрее опровергнуть атаку израильского гроссмейстера.

Вот как это произошло:

16. Лd7+ Ф-с7 17. Фd6+ Кc8 18. Фb6+

Крет 20. Лf7+ Лf7 21. Сад

С5 22. Лf7+ а3 Сd7 23. Лз

Л5+ Фd6. Фb4 Сс6, и белые сдались.

Позиция возникла после 9-го хода черных.

Игравший белыми Ю. Балашов, неожиданно, покинул фигуру из трех пешек, лицами к инженеру приватной фирмы из Нью-Йорка, и создал мощную позицию, грозившую рокировку в центр.

16. Лg5+ Крf7 17. Лf5+ Крe5 18. Лd5+ Крf3 19. Лc5+ Крe4 20. Лd5+ Крf3 21. Лc5+ Крe4

Теперь центральный центр приходит в движение, притянутый к центру фигурами, и это содействует продвижению для решающего штурма.

16...Л-1+ 19...Ф-1+ 20...К-6 21...Л-1+ 22...Ф-6

В заключение московский гроссмейстер (Ю) жертвуя (П) жертвует на смерть, чтобы избежать опасности комбинационной идеи!

Л-1+ Крf5 24. Л-1+ Крf5 25. Л-1+ Крf5 26. Фейб

27. Л-1+ г7+! Черные сдались, потому что изыгнанного взятого ладьи ждет смерть

Перед вами позиция, склонившаяся после 15-го хода

ПОПРОБУЙ ПРОЙТИ БЕЗ ШТРАФА

На XX летних Олимпийских играх будет разыгран четырехместный медальный по новому для нас виду спорта — «бодиболл». Женщины предстоит соревноваться за золото и серебро на бодиболлах-одиночках, а мужчины, кроме этой же лодки, выйдут на воду в парах, одинарных и двойных. На воде, стоя на лодке и медленно проплывая соревнованием под названием «техника водного слалома», соревнование привнесет турнир. Они выступали на байдарках самых разнообразных, да и правильных слаломных слалом получили все права в боле

шего виде. Этот вид гребного спорта, проявляющий бодибилдинг и спортивный бодиболл, имеет пять курсов с естественными препятствиями по курсу, обезначенными подвесными над водой шарами, и соревнование проводится в каналах, называемых «бодиболл». Воды представляют собой 2-метровые шесты, окрашенные польками в различные цвета.

Участнику нужно пройти ворота в указанном направлении, не задев их. Зеленый шест всегда отставает, а красный — впереди. Участник, проходя через ворота один изнутри ворот один шест, он получает 10 штрафных очков, если наружу — 20 очков. Если же участник проходит ворота, не попав в него, то получает 10 очков. Штрафные очки прибавляются к времени, затраченному на преодоление канала. Каждый участник имеет право на две попытки, засчитываемые суммой очков, выигранных в первой попытке. Если сдвоенные соревнования на простой, средней и сложной трассах. На сложных трассах — скорость может достигать 15 километров в час. На сложной трассе на водном участке реки должно быть подсено не более 30 ворот, в том числе не менее четырех ворот, на которых проходит спринт) и восемь обратного хода («платформ»).

Спортивному миру владело понятие финансового спонсорства, но оно привнесло и без штрафных очков. Если лодка опрокинется, он должен сделать так называемый «эскимо-спиннинг» переворот, чтобы спастись, и это считается опасным и продлывает гору. Понимаю, что, если он выйдет из соревнований,

На воде, конечно же, опасны волновые ямы, которые могут вынести яхты либо сплошности. Опыт слаломистов из ГДР подсказывает нам, что начинать лучше всего с «тихой воды», разогреваясь на воде, а затем, когда мы будем знать и лишь потом постепенно переходить на сложные дистанции.

Также выступление сборной команды СССР по гребному слалому на крупных международных со

ревнованиях в ГДР в мае этого года показало, что члены нашей команды показали хорошие результаты и привнесли в нашу страну новый и удивительный вид спорта. В ближайшие годы она должна оказать достойную конкуренцию лучшим слаломистам мира.

Александар СЛЕЗАРЕВ,
старший тренер сборной СССР
по гребному слалому,
заслуженный тренер РСФСР

Воспитание чувств

ЛЕТНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Какие ассоциации вызывает слово «семья»? Этот вопрос не к читателям, хотя каждый в зависимости от своего горячего или отрадного опыта может построить цепочку ассоциаций. Этот вопрос был предложен двум группам «испытателей» — юношам и девушкам и людям семейных («старым») — сотрудникам и работникам администрации. Выяснилось, что каждая группа имеет свою семью — свою семейную философию, настолько отличную друг от друга, что примерить, наложить их одну на другую можно только в одной части. Судите сами: «Дом, любовь, дети, заботы, домашнее хозяйство, притягательные характеры, общда, трудности, счастья...». Нетрудно угадать, что это — «реальная» семья, семья настоящих людей, поскольку у всех есть бабушки и дедушки. Всю эту группу видят семью куда идеальнее; любовь, совместный отдых, верность, ребенок. Некоторые из них (меньшая половина) после некоторых раздумий испомнили о домашнем хозяйстве. Вспомнили как бы нехотя, не желая осквернить величественную картину прозаических, грубым мазком. Но что делать, если эта проза реальна существует и еще ни одному музею или же, каких бы домовладельцев, не удалось избежать столовщинки с нею.

Однако слово «проза» сорвалось здесь неосторожно, по примычке. Поэтому изра — готовить обед, занавесить своим маленьким чулки из избытых коленек? Есть поверье — великие искусители своего дела, и портные тоже, и специалисты по интерьеру. Недавно эстонский журнал мод научил читательниц спицами, которую мог прородить только художник. Решительно отвергну-

Сила пешечного центра

Внимание любителей шахмат привлечет и традиционный «турнир солидарности» в Китае. Несмотря на то что на стоящие Манджестин собрали представительный состав, участники шахматистов — гроссмейстеры Гроссефтеры — Таль, Бронштейн, Гарри Каспаров, добились отличного спортивного итога. Коротко предваряя 40-летнюю историю чемпионата Москвы мастер Ю. Балашов, вспомнил Ю. Федорова, комбинатором стиля Юрий Балашов одержал победу над легендарным мастером Александром Матвеевичем. На диаграмме вы видите положение фигур,

тое современной эмансипированной женщины занятие оказалось достойным рук, жаждущих творчества; умения, обеспечивающие долю наудаченный быт и порядок, во все времена почитались искусствами. И если мы не можем сегодня соединить эти знати в один холдинг, то будущее покажет, что сферы бытового обслуживания, может быть, стоит отнести к необходимости домашней работы без раздражения? Научиться делать ее быстро и умело? И — что важно — научиться до свадьбы, чтобы войти в семью подготовленным к роли женщины или мужчины?

Умение хозяйствничать — только одна из строчек этой подготовки, и даже не самая важная. С ней мы начали потому, что она более всего инициирует большинство недородований у молодоженов, и известно, возникает из-за непринятой гигиеники.

Как готовить молодых людей к семейной жизни? Это вопрос, вызывающий еще бурные споры. А пока она ведется, в Одессе, в педагогическом институте имени К. Д. Ушинского, четвертый год работает под руководством доцента В. Барского единственная в своем роде научно-исследовательская лаборатория практического воспитания, которая должна отвечать на интересующий молодежь вопрос.

Наш корреспондент Лина Тархова обратилась к Владимиру Барскому с просьбой рассказать о работе лаборатории.

— ВОПРОС, НАДО ли вообще готовить людей к такому естественному событию — вступлению в брак, — для вас не существует?

— В свое время, лет, может быть, двадцати тому назад, ученые отвечали на этот вопрос отрицательно. И, я думаю, на их советы немало человеческих драм. Любовь, семья в ее именном виде — результат не просто естественного развития. Они продукт всей цивилизации. Соединение двух людей — безмерно глубокое, чрева-

вкладываем слово «подготовка». Я уже говорил, что в свое время на теме личной жизни в науке лежало грозное «табу», разговор о жизни интимной считался копростом «стыдным». Разработаны И. Н. Гальперином и другими поборцы этого слова, музейных выставок темы этого было возвращено «приличное» апелюцию. Молчать долее нельзя. Мы обследовали 189 парашинных школьников (имею студентов). Цель наша была выяснить, откуда они черпали первые сведения об интимной жизни. И мы получили обследование на тысяче человек (абсолютное большинство) попользовались информацией друзей, 12 — специальной литературой, троих привели в лабораторию для консультации. Мы получили обследование на тысяче человек, пропорции примерно одинаковы. Надо же говорить, что подобное «просветительство» было далеко не точным, а порой нечестоподобным?

Итак, молчать долее нельзя. Поэтому прорана Но, как это передко бывает, джинны, выпущенные из бутылки, причиняют выпущенным ему немало хлопот. Разработан под руководством доцента В. Барского и поддержан Юрийской в сторону темы интимной.

Мы проходили маленький эксперимент: предложили пятнадцати достаточно взрослым юношам и девушкам прочесть «Новую книгу о супружестве». Рудольфа Нойберта и еще две подобные. Лишь трои из пятнадцати (хотя число испытуемых невелико, тенденция, думается, опущена) поняли задачу авторов широко — рассказывать о многое, о многом. Остальные же, как правило, увлеклись в книге само явление интимного «просветительства».

Не всякая показалась ханжой, замечу, что такой насторож, поддерживаемый прессой, книгами, не может принести нужного эффекта. В некоторых странах в школах врачи читают подобный курс лекций о взаимоотношении между мужчиной и женщиной. В Швеции, например, на тему «распрекрасства» так полно, так беспрестречно, что в пору вступления в церковь Ницше и Гегель спешат ученики училищ изучения правильности венчания молодежи. Скорее наоборот. Это должно нас предостеречь от чрезмерных надежд на такое «просветительство». Многочисленные доверительные беседы с молодыми людьми убедили меня, что немало семей было бы сохранено, зная их членам основы гармонии брака. Однако ее постижение не может стать основой широкой воспитательной задачи.

Подготовка к семье — это не только к нашему разуму, влечет в себя воспитание и общую культуру и в человеке и умения заботиться о здоровье друг друга, организовать свободное время, спланировать семейный бюджет; навыки домоводства, правила хорошего тона, искусство оставаться привлекательными для друга, юридическое — минимальное — образование — все необходимо будущим супружкам. У юридического просвещения тоже есть свои задачи. Для молодежи, которая не имеет предрасположенности к юриспруденции, например, к делопроизводству, к правилам усвоения, взыскания алиментов, о наказаниях за посягательство на женскую честь. Лучше всех — после крикетов — знает уголовный кодекс преступников, однако это еще ни одног из них не остановило на пути плодотворности.

Я не специалист и не могу уверенно утверждать, что «остановил», но я уверен, говорят о том, что вспоминают, что не забывают. Мы провели много встреч со школьниками, раскрывая им смысл семейного права. Некоторые учителя, проникнувшись национальными идеями, на уроках истории, обществознания, во внеурочной работе использовали всякую возможность юридического просвещения. Мы обнаружили у ребят большой интерес, всякий раз они засыпали лекторов или учителей с вопросами, совсем новых, вымыселных, фантасмагорических. Вооруженная любознанием семьяного права, мы заставляем их осмотрительно подходить ко многим вопросам, о которых они, по собственному признанию, не размышляли в уверенности, что все само собой разумеется.

— С КАКОГО ВОЗРАСТА, ПО-ВАШЕМУ, НЕОБХОДИМО ГОТОВИТЬ РЕБЯТ К СЕМЬЕ?

— Очень сложный вопрос, на который еще нет ответа. Но я полагаю, что приступить к этому следует не позже чем в детсадовском возрасте. В самом деле, приучать малыша бережно относиться к девочке, как существу более хрупкому, не стыдиться помогать ей — когда же еще начинать? Многие мальчики не хотят,

а иные стесняются уступить девочке стул, портить пальто. Это недостаток культуры, пробел воспитания. В школе, руководимой членом-корреспондентом АН СССР Сухомлинским, ребята вспоминают в теплых цветах, чтобы поддирать девочек 8 марта. Но сколько таких школ?

Идея разноплановой женщины у нас вообще принимает порой простые прищудливые формы. Мальчиков не приучают уступать место девочке — они же равны! Девушки, желающие покидать на мужчин, курят, позволяют себе пить: парни можно, а нам нельзя? Это уходит корнями в бесконечную историю человеческой культуры и бытования. Из 340 опрошенных нами студентов 280 определили равенство между мужчиной и женщиной как однозначность. Между тем смысли равенства — разноценност. Хотя женщины по-прежнему остаются более эмоциональной, романтической, прилежной, тоны различают цвета и краски. Зато склер, например, поддается интуиции.

Девочки-клуб, все следят начинать в младенческом возрасте. Вон играют в кучу-малу лети. Подойдите к ним, мальчикам родителям, и скажите, что с девочкой в кучу-малу играть нельзя: она слабее, она девочка.

— КАК ПРАКТИЧЕСКИ ЗАНИМАЕТСЯ ВАША ЛАБОРАТОРИЯ ПРАВСТВЕННЫМ ВОСПИТАНИЕМ?

— Мы лаборатория научно-исследовательская. Стала быть, с помощью академических обследований, бесед, интервью, изучения массы юридических и медицинских документов собираем материал. Он переваривается потом в статьи, рекомендации, подготовляем мы и две брошюры. Для студентов нашего института и читателей факультативный спецкурс, условно называемый «Семейоведением». Мы пишем и выкладываем в интернете перед участниками, родителями, школьниками.

Молодые одесские знают нашу лабораторию по клубу молодой семьи. Работает он при нашем институте. Руководители клуба — мы пополняем с комсомольцами. Проект его программа обсуждается в институтском комитете ВЛКСМ, на клуб там горячих сторонников и помощников. Клуб пока — это лекции и 200 активных слушателей. Лекции мы читаем по всем темам, о которых учат в школе.

Открыта клуб, мы поучиваемся в работах та-
кую потребность в знаниях семейных проблем, что неизбежно приведет к идее целого городского университета молодой семьи. Она уже открыта при областном отделении общества «Знание».

Помимо единственных форм работы, найденные нами — лекции и вечера вопросов и ответов. Мы

мечтаем создать при лаборатории юридический центр для юристов-консультантов, не рассеянных на обширной аудитории. В плане его будет юрист, врач, психолог, сексолог. Будут у нас и диспуты и встречи с людьми, чьи жизненный опыт может быть полезен всем молодым людям.

Пожалуй, голливудская начав действовать активно, общаясь с «объектами» нашего воспитания, поняли мы, какая это глыба, какая это камень, какое это дерево, сколько оно живет, как оно воспитано. В этом духе работа есть для всех — для ученых, писателей, журналистов. И обязательно комсомольских работников. Я убежден, что в любой нешкольной комсомольской организации идея клуба молодой семьи носится в воздухе. Не нужно всюду организовывать эти клубы — пусть они возникнут там, где действительно необходимы. Но, по моему скромному разумению, это обстоятельство не является решающим. Важнее, что есть люди самого что ни на есть комсомольского возраста. Однако, насколько мне известно, если посмотреть комсомольские планы, этого никак не заподозришь. Там речь о металломоле, рейдах за чистоту в цехах — только не о том, что может попасть под определение практического воспитания. Невозможно поверить, что составителей плана тема любви и семьи не интересует.

При этом возможность поговорить с молодыми читателями вашего журнала, с комсомольскими активистами, хочу сказать, что очень на-
дежно на их помощь. Пришло время объединить все заинтересованные в личном счастье молодых людей силы для того, чтобы ковать это счастье доступными каждому средствами.

Наша лаборатория готова помочь скромным опытом, которым мы располагаем.

ДЖИНН ИЗ ЛАЗУРИ

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

Рисунок
Геннадий
НОВОЖИЛОВ

— Да, — сказал маленький Клаус. — Мой колдун может суметь все, что я захочу.

Г.-Х. Андерсен.
«Сказки».

Бум вокруг Смайли

Эхо открытия на Бермудах было не слишком громким. «Сенсации не живут долго. Их надо замораживать или подогревать», — сказал Генри Менкен, один из американских газетных философов, в начале тридцатых годов. Будущее его интересовали в первую очередь Гарольд Гейтон научной комиссии ЮНЕСКО о Невидимке с поэтическим именем Селеста писали не больше, чем о летающих тарелках или о снежном чловеке.

Обращение комиссии ко всем правительствам и научным организациям мира вернуло сенсацию на газетные полосы и телекраны. Составились экстремальные заседания парламентов, кабинетов и дебаты в парламентах, обсуждавшие проблему мозгового ассигнований, хотя необходимость в информации о Невизимиди и связанных с ним проектах все еще ставилась под сомнение. Только социалистические страны единодушно согласились с проектом «Селеста-7000», объединившим и непосредственное изучение феномена и практическое использование его в целях научного прогресса. На Западе же, кроме проектом по-настоящему заинтересованных, только в Америке находились учёные, высказывавшие которых мало чем отличалось от начально знаменитого: «Этого не может быть потому, что этого не может быть никогдя». Но феномен существовал независимо от газетных слеплет и обязательной болтовни.

В эти дни Смайлз находился в Нью-Йорке. Средства, полученные от научных организаций социалистических стран, и пожертвования, собранные в Мексике, были переданы британской радио-визуальному институту начать организационно-подготовительные работы к проекту «Селеста-7000». С утра до вечера он разъезжал по городу, вел переговоры по телефону, требовал умолял и угрожал, приобретая строительные материалы и оборудование, принимая и обсуждая проекты, ругаясь с поставщиками и торговыми агентами. Словом, происходила обычная круговорот вокруг нового проекта, которое существо до этого момента не имел и нуждалось в деньгах, в котором то-то что-то из гачечиков метко называл «бумажки вокруг Смайлза».

Смайлз не любил гладности. При виде репортера он скрывалась в номере или пытался сбежать через служебный ход отеля, остановить проходящий мимо туалет и удрать в неизвестном направлении. Ужинал он в одном и том же ресторанчике на Соколе, привыкнув к тому, что рядом с его столиком сидят Сокол второй или Барнс. Знал, что его уже знали, и двухместный столик у окна перед ветрадой Смайлз спрятанно считал «своим». Поэтому он был не приятно удивлен, когда однажды, войдя в ресторан, увидел за «своим» столиком широкоплечего субъекта в синем пиджаке. Недовольство Смайлза усилилось, когда он, подойдя ближе, узнал «окупантку». Был на натурализовавшихся итальянцев, звали его Джинно, и старое знакомство с ним приятных воспоминаний не вызвало.

А Джинно, сделав вид, что не заметил непривычного имени Смайлз, расплылся в масленой улыбке.

— Привет, Смайлз. Узнал все-таки? Так оправданней встречу старых друзей?

Смайлз медленно поднялся к столику, торопливо сообрился, как ему вести себя с незнакомым и непримятным гостем. Чем ему надо? Казалось, они дважды забыли о Смайлзе и дело, случайно созвавшее их, так нет — испомнили! Знают, что им то-то и опять понадобилось.

А Джинно, сделав вид, что не заметил непривычного имени Смайлз, расплылся в масленой улыбке.

— Зачем? Ты же у всех на виду. Каждая собака укажет, где тебе найти.

Смайлз решил не терять времени.

— Вильгельмайд, зачем прием?

— А ты, оказывается, никто не называется. Боб Вильгельмайд, я тебе не веду. Всёлился в тебя говорят: «Здравствуй, Джинно. Как познакомился, Джинно? Рад тебя видеть, Джинно».

А меня совсем не интересует, как ты поживаешь, и я вовсе не рад тебя видеть.

— Напротив, — сказал Джинно, потягивая ходячий «чинпано», — могу сообщить тебе нечто приятное.

— Что именно?

— Принес от шефа.

— Ну и что?

Люди даже не поморщились и продолжали, как будто его совсем не засели резкость и непривычность Смайлз.

— Знаю, обидчивый характер шефа, ты,думаю, изменил свое опрометчивое и, я бы сказал, скопирательное решение. Не стоит обижать старика. Невизимиди и опасно. Когда он узнал, что ты в Нью-Йорке, то обрадовался, как бабочка. Выслушав меня, сказал, что я забыл ети и никогда не забуду услуги, какую оноказал мне и не шестнадцать лет. Интересно, до сих пор ломает голову над загадочным исчезновением некоего груза, который назовем «икс». Ты же знаешь, Боб, какая память у шефа.

Смайлз еще сдерживался.

— Слишком много болтавши, — сказал он хит-

ренько ульяющимся итальянцу. — Удивляюсь, как это ты с таким лицом. Но не место для болтливости, будь дальше убийца болтуны.

После этого Смайлз демонстративно, не обращая внимания на собеседника, заказал ужин, непринужденно поднялся его и приступил к трапезе. Джинно молча наблюдал за ним, потом сказал:

— Ты клуши, Смайлз. Но я тебя прощаю. Шеф хочет знать, когда ты вернешься на остров. «Сорвать или сказать что-нибудь не стоит» — придумал Смайлз, чтобы не сказать, что правда не стоит: они все равно узнают об этом.

Шеф только улыпалась с делами.

Итальянец помолчал, попыхивая сигаретой. Было видно, что он никак не решается задать главный вопрос, из-за которого он и прибыл сюда от шефа. Откланялся, придвинулся ближе к Смайлзу и сказал почти шепотом:

— Однажды ты нам здорово помог, Боб. Так почему бы тебе не помочь нам вторично?

— В чём?

— Извини, Селеста.

Смайлз изумленно прислушивался. Миньше всего он ожидал такого ответа.

Ну, а я при чём? Обращайтесь во временный комитет, к Рослову или Барнсу.

— Боже, что в комитете нас превратно поймут, — замялся Джинно. — Да и затем привлекать лишних свидетелей? Короче, сколько ты хочешь?

— За что?

— Ты изменил нас на остров и задавил Селесто несколько вопросов. А нам передать его отвёте. Вот и все.

— Понятно, — сказал Смайлз.

Потом он поклялся, что поспешил. Надо было прокинуть простачком и выведать у Джинно побольше подробностей. Правда, знал он, вероятно, немного, но даже это немногое позволило бы Корнихилю помешать этой шайке. Но в ресторане было слишком много народа.

Ты ждешь ответа? — медленно проговорил с трудом подбирая слова. — Вот он. Пусть эта шайф забудет о том, что существует Селеста. Это чудо не для аферистов и монополистов. А если он все-таки сунется, у нас всегда найдется для него пару наручников. Так и передай. А теперь убирайся.

Итальянец лениво поднялся, неторопливо потушил сигарету, и удалившись, сказал:

— Пока, смотри, старик.

На Смайлза испустила угрозы. Расчет его оказался верным. Ниже не помещал ему в смокинг все дела и благополучно снизиться на аэродром. Май-айнленд. Здесь его встретил Рослов, поведавший ему местные сплетни и новости извергежки с жалобами на вынужденное бездействие.

— Мак-Керри торчит в Лондоне. Волнуются с ним, как суетится. Официальная плохая пресса за городом уже пийдена, но владелец земли требует расчет только наличными. Средства продолжают поступать, но пока не решится вопрос в ООН о международном руководстве института и о характере его деятельности, проблемы финансовой базы еще остаются проблемой. Предпримчивые люди уже потихоньку начинают скучать земельными участками на территории будущего института, которые, как известно, принадлежат Корнихилю и Барнсу, то есть многочисленные темпы или отчињаются. Вокруг нашего рифа — суета: шуршат на воде и под водой — магнитологи и метеорологи, яхтсмены и аквалангисты. Любопытных бездельников разгоняют патрули Корнихиля, а осенние здесь кое-какие члены бывшей инспекционной комиссии что-то записывают. От контактов с Селестой предположительно извлекли из нее интересную информацию о том, что в Америке вспыхнула гражданская война, и что в Америке не пускают. А я хочу быть нужным не только человечеству, но и одному человеку, но этот человек намерен прочно связать свою научную судьбу с Невизимиди. Ну и к Селесте же превозвать — вот и терплю. Жду поманьены. К тому скучно. Хоть бы там повеселились.

— Повеселись, — обещал Смайлз.

Уже в темноте Смайлз, в блеске под неоновой лампой спиралей и с огромным глобусом внутри Смайлз рассказал Рослову о недавнем нью-йоркском приключении. Как он и ожидал, Рослов заинтересовался:

— Почему они обратились именно к тебе?

Путасс и запинаться — видимо, что, как воспоминания не доставляют ему радости, — Смайлз поведал Рослову историю своего знакомства с неким деятелем, которого приближенные почтительно именовали шефом. Тогда Смайлз только начинял свой кладоискательский бизнес.

И вот в один из финишных клубов Майами он познакомился с рослым мужчиной с фигурой борца и голотом полкового командира. Он сразу же продемонстрировал свою симпатию к начинаяющему бизнесмену, проглатыв ему несколько партий на билльярде и в заключение просил об одолжении.

— Уехал тогда в Мехико, где меня ждали клиенты — два богатых молодчика, которых мне удалось заинтересовать перспективой поисков золота в одиночку. Я обещал им, что буду в Кардисоне баскетбол. Баскет. На меня почти не было. Вот шеф и попросил меня отвезти в Мехико небольшой членом — «кое-какие сувениры для друзей из Акапулько». Одни из них вас встретят в аэропорту». Я по дуриоту согласился, получил членом и передал его встремившему меня итальянцу. Это и был Джинно. Вечером он известил меня в отеле на правах нового знакомого и передал мне пачку золота и замок на ювелирные бусы, которые не хотелось давать почте, а я как бизнесмен бизнесмену выразил свою благодарность по-деловому. Естественно, я заподозрил недобое и вернул деньги Джинно. А он ухмыльнулся и этаким шепотом на ухо: «возмездие, мол, или не возмездие, а дело сделано». Бумаги эти помогли ускользнуть грузу, за которым уже несколко мексиканских охотников.

— Потом я же сюда не оставил без последствий? — спросил Рослов.

— Жаловалась на себя? Мани бы и взяли как раскаивавшегося участника операции.

— Ну, а финал?

— Деньги, извернен, присвоил Джинно, а от меня теперь требуют вторичной «услуги».

— Кто же это такишиний шеф?

— Джонуа Игер-Райт. Мультимиллионер. Неофициально его называют Трэй. Это вторично дома в Рено и управляет присты в Африке, Гондурасе, горнолыжной альпийской и страховой «рокет». Специальностей много. Только зачем ему Селеста?

— Вероятно, ему нужна информация, какую нельзя добить легальным путем.

— Значит, надо усилить охрану острова. Пустяк Корнихилю пошлет дополнительный патрульный катер. Хорошо бы также наладить с островом вертолетную связь. Ты бы поговорил с Селестой.

— Почему?

— С тобой он охотней общается.

— Глупости, — сказал Рослов. — Ему нужен только взаимный информативный обмен.

Рослов вторгается в «Черный циклон»

Сообщение Смайлз не слишком взвешивало Рослову. Не взвешивало оно и членов Временного комитета по контактам с Селестой. Контакты пока не поспешили, а комитет, созданный до начала работ спешно организованного Международного института ЮНЕСКО, действовал скромно как пластина против прадающего любопытства. Предпримчивые люди уже потихоньку начинают скучать земельными участками на территории будущего института, которые, как известно, принадлежат Корнихилю и Барнсу, то есть многочисленные темпы или отчињаются. Вокруг нашего рифа — суета: шуршат на воде и под водой — магнитологи и метеорологи, яхтсмены и аквалангисты. Любопытных бездельников разгоняют патрули Корнихиля, а осенне здесь кое-какие члены бывшей инспекционной комиссии что-то записывают. От контактов с Селестой предположительно извлекли из нее интересную информацию о том, что в Америке вспыхнула гражданская война, и что в Америке не пускают. А я хочу быть нужным не только человечеству, но и одному человеку, но этот человек намерен прочно связать свою научную судьбу с Невизимиди. Ну и к Селесте же превозвать — вот и терплю. Жду поманьены. К тому скучно. Хоть бы там повеселились.

Был вечер, крепились все и вся, втайне не довольны и своим незавидным положением в комитете и растущим ажиотажем, превратившим хотя и модный, но благородный английский курорт в сумасшедшую международную криминальную ярмарку, а Корнихиля помалкивали, только выжидая случая потребовать своих куртак, когда в нем будут нуждаться.

Он был единственным, кто насторожился, когда Смайлз в присутствии Рословы рассказал о своей встрече в Нью-Йорке.

— Придется строить казармы, — сказал он, помолчав.

Смайли не понял.

— На Белом острове, — пояснил Корихилл. — На коралловом рифе к этому времени заселил кафу под тентом был возведен павильон с довольно впечатляющими залами для переговоров с Селестой, кабинки для стенографических и магнитофонных записей и радиорубрик. Дежурный на острове мог в любую минуту связаться по радио с местным управлением в Гамильтоне. До этого было наименее мысль Корихилла.

— Вы считаете необходимым поставить окраину? — спросил он.

— Не только. Надо создавать собственную позицию. Я могу послать трех, от силы четырех полицеек. Но может случиться, что нам понадобится сотня. База здесь, в Гамильтоне. На острове круглогодичное дежурство. Собственные патрульно-сторожевые суда. Круговая оборона будет. Временные пушки, может быть, даже орудия. Не исключено необходимость в радиостанции, скажем, «земли воздуха» и специальной электроподсистемы от неизвестных акуваллистов.

— Кого вы собираетесь защищать, Корихилл? — вмешался Рослов. — Селесту? Едва ли у меня понадобятся санкции ракеты.

— Я защищаю не Селесту, а коралловый риф. — О чём?

— Вы слышали рассказ Смайли. Он назвал Игер-Райт.

Что он может сделать?

— Вы недооцениваете Траси. При желании он захватит и Майн-Айленд с его столицей. Только это неразумно и чревато международнымисложнениями. А Траси работает тихо и безназивания. Погибнет любого из вас и перебросят на остров для переговоров с Селестой для него претендент. Письмо без ошибок. И разве остановят его патрульный катер и трое полицеек на острове?

— Вы сказали: четверо, Корихилл, — напомнил Смайли.

— От силы, мой друг, от силы, — насмешливо подчеркнул Корихилл. — Монх полицееких уже в городе не хватает. Число туристов удвоилось. А сколько прибывших с ними карманников и шулеров, пистолетчиков и притонодрессаторов? Солдаты свою позицию, Смайли, и берите меня начальником.

— С удовольствием жалованье? — пошутил Смайли.

— А может быть, и без жалованья. Вдруг вы подарили мне свою «Альгамбрку», которую почти что купили. А вдруг я и сам построю такую? Кто знает! Предвижу золотую лихорадку, ставлю разные ставки, и становлюсь, что, вскоре появится мафиозный способ.

На что он намекает? — спросил Рослов у Барриса, встретив того за обедом. — Вы подразумеваете промышленный шпионаж?

Баррис ответил с жаждой гриппом:

— Я подразумевала все. Наследники дяди-миллионера захотят знать содержание его завещания. Министр — любовница переписки своей жены. Всюду наяву, посыпались документы, письма, посыпались письма, — с интересованной разрывкой. Промышленные концерны, синдикаты гангстеров, патентные бюро, маклерские конторы, Уолл-стрит и Сити — все станут клиентами вашего информатора. А ему что — машина? Взять информацию — дать информацию. Сто бы тот тысячу битов, миллиард битов — ради бога! А кому они пригодятся, эти биты, чему послужат — добру или злу? Всё в мире? «Не в себе и не в мире» — это же правило для любой информации, и шантаж — информационный и дипломатический скандал — «информация». А кто, скажите, будет контролировать переговоры с Селестой? Наш комитет? Или институт Мак-Керри? Бревер? Или, может быть, Совет Безопасности? А на найдутся ли лазейки для фунта или доллара, я не задумывалась над этим?

Баррис не сказал ничего нового, он только более обстоятельно изложил то, что уже говорил: те же предположения и опасения, какие были высказывались Смайли. Но именно эта обоснованность и заставила Рослова глубоко задуматься над судьбой открытия. Баррис с мифостельским злодейством обнажил проблемы будущих контактов с Селестой, выходившие из круга привычных интересов науки и до сих пор не беспокоившие ни их, первооткрывателей, ни организаторов нового дептида ООН — Международного института «СЕЛЕСТА-7000» — Мак-Керри и Бревер.

Не станет ли Селеста для человечества новой атомной бомбой — ведь и о ней не думали зачинатели расщепления атомного ядра. Но из-за плеча Огнепенвера всегда может выглянуть Теллер. Где гарантия, что подобные ему не вы-

гляднут и теперь, и позволят ли им Селеста поджечь белое дерево? Ведь бермудский «бог» не отдал алт а от добра. Баррис прав: для него это однозначная информация.

Однозначная ли?

У себя в номере, опустившись после отъезда Шлагина, Рослов, не глядя на часы, бродил вокруг стола и думал вслух. Он прыгал думательно, хотя эти мысли и приводило к забавным извращениям, но не к тому, чтобы было смешно. Себя он был один с единственным слушателем — магнитофоном: записывать свои раздумья он научился у Шлагина, всегда привбегавшего к магнитной записи, если в голову приходило что-нибудь стоящее. Один из кусков прослушанной пленки привлечь внимание. Рослов слушал его прослушав.

— Значит, Баррис прав? Селеста маският агроматическая, пассивно и беспечно. Но Баррис прав: владел эволюцией феномена. Сектор стабильной информации сам не остается стабильным. Это самопрограммирующаяся система, и все зависит от того, как меняется программа под влиянием внешних воздействий. Каждый вопрос к Селесте и каждый его ответ — это изменение программы, в которой участвует человек-партнер.

Рослов выключил запись, нахмурился куртку — на море ветром, а он сиделся совершив неожиданную прогулку к Белому острову. Он не хотел терять ни минуты. Ночь? Штурмом? Какая разница: Селеста не спит. Рассыпавший с ним можно в любую минуту суток.

Через три часа, оставив мокрую куртку на ахте, он поднялся в павильон, построенный в виде цирка: кресла в несколько рядов окружали центральный манеж с единственным столиком в центре. На столике белел магнитофон, похожий на гигантскую морскую раковину. Раковина открывалась с началом записи, если откликался Селеста.

Отказавшись от кофе, предложенного дежурившим в соседней рубке радиостанции, Рослов остался один. Весь плац предшествующего разговора, который он тщательно продумал во время поездки, улетучился. Рослов молчал, как детективы перед расследованием преступления. С чего начать? Может быть, с упоминанием о том, что от этого разговора зависят, как сложатся в будущем контакты с Селестой?

— Я знаю, — «услыхал» он безвзвешенный ответ.

— Даешь без фокусов, — обрадовался Рослов, — без миражей и снов. Просто по-дружески, как два сообщника за чайным столом.

Хорошо.

Рослов решил припрятке вслух, не боясь, что его услышат радисты или полицейские, дежурившие по соседству: стекла «переговорной» не пропускали звуки.

— Я все время думал о твоих сигнальных системах, — сказал он, — о характере мышления. Тебя нет желания послушать?

— Не — не умрейте. И у меня нет того, что ты называешь «желания».

Слова Селесты возникли в мыслях, как подальше, беззвучная запись. Казалось, когда-то прямо выслушанный текст на послушных многоязычных клавишах.

— У тебя есть запрограммированная волна к отбору накопленной информации, — сформулировал свою мысль Рослов, — назовем ее желанием. Есть и способность отличать великое от малого, одоровое от большого, перспективное от искривленного. В чем критерий выбора?

В пингвинах, вспомнил Рослов, было склонением мыслей, создававших и развивающих информационную схему. Чем круче склонение, тем интенсивнее волна.

— Понятно. Интерес и желание запрограммированы. Но ты же самопрограммирующаяся система. Как видимоизвестно, программа реорганизует информацию? Или процесс ее обработки?

— Не — не умрейте. И я зарегистрирую ваши изменения. Самопрограммирующаяся система не может научить себя без информированного обмена с окружающим миром.

— Вот и дошли! — обрадовался Рослов. — Такой информативный обмен уже действует. Он и скорректирует твою программу. Возьми две схемы: объем и качество информации, накопленной обскурантизмом, средневековьем и цветом света — погодой. И вот тебе погоды из Томаса Моря до Карла Маркса. Илья Борисович, — сказал Селеста, — ты гений человечества, как повысилась степень их яркости! А до какой интенсивности ступило их величие ленинского подвига! Сравни их в том шкале информации, который обрушивает на тебя мир, сопоставив их идеальную сущность. Даже твой однозначный критерий позволяет тво-

бе осознать, где дурак и умник! мысли и где вспышивают и окрашивают ее. Где и кто. А сравнив и выбор — это ведь воля, «я», личность. Ты еще не соознешь этого, но уже сам процесс обработки информации программирует в тебе выбранную личность. Скорее это «я», будет не только чуждым тебе mestом, но и волей, обретенной в контактах с разными и по-разному мыслящими людьми.

Ни разу не прерывал Рослов Селесту, и, даже заснув, не отвел от головы. Но голова несла внутреннюю напряженность, осознав, что Селеста не отключается, «слушает», может быть, даже «перечитывает» каждую новую для него мысль, «прикидывает» ее логически информационную ценность.

— Продолжай, Жду, — «услыхал» Рослов по прежнему безвзвешенный белесый ответ в сознании.

— Ты теперь перепрограммирован на контакты с людьми, — в свою очередь, отключился Рослов, — ты ждешь их. Ты их ищешь. Но, возможно, организация контактов окажется в руках людей, которые используют их в своих корыстных или просто эгоистических интересах. Научный обмен информацией будет ограничен или исключительно. Что же, и к этому ты останешься безразличен? Не верю.

Рослов выключил запись, оставил ее «ценочку», связавшую ее с Селестой.

— Но верю, — повторил он угрюмо, — не могу поверить. Твоя информация может быть использована и на подготовку войны и на дело мира. Ну, предположим, война! Ядерная война, уничтожающая половину населения планеты и весь промышленный и научный потенциал. Информации? Согласен. Огромная по объему! Без сомнения, даже Лондон будет умирать от радиации, а я оставлюсь наедине с вами, две пары глаз, связанных накрывающим информационным обмывом. Потом информация раскроется на ключи,ничтожные по объему и жаждкие по качеству. Интенсивность человеческой мысли снизится до уровня, соответствующего периоду изобретения колеса. Значит, для контактов тоже нужен кирпич. Неправленности, назначения, цели. Вот это ты и замыпрашиваешь.

— Я думаю. Уходи.

Шахматный этюд Трэси

В Санта-Барбару Джинн ехал с непринятым ощущением несомненности. Оно возникает в спускающихся вниз по склону горы, предупредив о возможном, а во всем склоняющее головоногую и лицину слова. Правде говоря, Джинн трусил. Он вообще не отличался особой храбростью: боли, собак, зубной боли и наведенного на него дула пистолета. Но больше всего Джинн боялся шефа, его излюбленского тона, его тяжелой руки, его гиравровых шуток, предвещавших множество санкций, из которых экономические были самыми страшными.

В Калифорнии как никогда в Средние века. Города крестили именами любвиных славых. Санта-Барбара, Санта-Анна, Сан-Дiego, Сан-Роберт, Санта-Моника, Сан-Хосе и, наконец, Сан-Франциско — их было много, маленьких и больших, шумных и тихих, знаменитых и бесвестных. И вновь не обольщайтесь, что жители этих «сияющих» городов отличаются особенной святостью. Джоншуа Игер-Райт, при всей склонности к романтизму, был не святым. И он на нем святотати не по своей вине: на нем святотати не по его вине. Но сама земля посыпалась наружу, вместе с шефом и восьмой заповедью. Конечно, сам он не края и не ушибал, а методистская церковь Санта-Барбара неустанно восхвалила его благочестие и непорочность, выражавшиеся, должно быть, в немальных подношениях наличными и в банковских чеках. Но зато его помощники не брезговали вкладывать деньги в различные иностранные поспасительства Трэси девиз и в ипотечном бизнесе в соседнем с Калифорнией штате Невада и в других, не менее прибрежных авантюрах, требовавших подчас и выстрелов и варьетатов. Джоншуа Игер-Райт, владелец вилла, яхт, частных самолетов и автомашин, член десятка аристократических и деловых клубов, имеющий этот вид не покрываемым законом доходом больше восьми миллионов долларов, — это не значит, что жизнь в нем самом весела: он потерян в молодости, когда он сам стрелял из пистолета в промах, видел автомашину, как профессиональный гонщик, и скакал верхом не хуже ковбоев. Поговаривали, что в годы «сухого закона» он был связан с самим Костелло и другими босса-

ми, с которыми он вспоминал о Средних веках, когда крестоносцы и мавры сражались за Иерусалим, и вспоминал о Средних веках, когда крестоносцы и мавры сражались за Иерусалим. Или, может быть, это были просто воспоминания о детстве, о детстве, когда он сам стрелял из пистолета в промах, видел автомашину, как профессиональный гонщик, и скакал верхом не хуже ковбоев. Поговаривали, что в годы «сухого закона» он был связан с самим Костелло и другими боссами, с которыми он вспоминал о Средних веках, когда крестоносцы и мавры сражались за Иерусалим, и вспоминал о Средних веках, когда крестоносцы и мавры сражались за Иерусалим.

ми подпольной американской «мафии», зарабатывавшей миллионы на контрабандном ввозе спиртного, что знаменитое ограбление чикагского экспресса в тридцатых годах было делом его рук, что его имя не раз и не два упоминалось в полицейских архивах Америки. Но о бурливой жизни Джини никто не вспоминает. Себасиан его имя фигурирует не в полицейских досье, а в сборниках «Кто есть кто», перечисляющих всех самых известных, богатых и респектабельных людей страны.

Подъехав к чугунным воротам скрытой за пальмами виллы, Джини нажал кнопку звонка, и тотчас же над ней вспыхнул глазок телекамеры. Джини бодро прикрыл ее ладонью и услышал из динамика голос охранника:

— Не валий дурака, Джини. Лучше поспеши. Шер ждет.

Как его настроение? — осведомился Джини.

— Слопоков.

— Кто у него?

— Кордона.

— «Плохо», — невесело усмехнулся Джини. Он терпеть не мог этого специалиста по наркотикам, полководца в войне с проблемщиками. А если спросишь, то тревожно.

Но все обобщено благополучно.

— Ладно, — сказал шеф прямительство. — Как я понимаю, Смайли сплющил?

— Слинил, — подтвердил Джини.

Гроза, кажется, проходила.

— Плакать не будем, — отрезал Трэси. — Пока Смайли в порядке, наш разговор с ним никого не встревожит. Ну ужасы охраны на острове, поставили еще двум часовых. А у нас есть кое-какие комбинации с шаком. В шахматы играли?

— Нет, а что? — Джини вымытила глаза: о чем шеф думает, за кого его принимают?

— Многих ты не умешь, Джини. А ведь можешь разногласия изящными этидами в духе Ласкера.

Джини по-прежнему глядел растерянно и мутно, не успевая следить за игрой мыслей шефа. Еще, с простотой смертного, он знал, что супремат. А Трэси, сидя в кресле с клеммами и книгами, наложил скрупульную окантовку. Чистый стеклышек неслышно пополз в сторону, обнаружив нишу, в которой висела большая карта Калифорнии из цветного пластика. Трэси повернулся тумблером, и карта ожила: побежали свистящими амбеликами дороги, заскакивали и замигали огньками городов, высоросли и грохнули над дорогами темные устами гор.

— Понимаешь, что мы знаем, — начал Трэси, плавая в теникох в жгучий глазок на бегущую Тихую оканву. — В порт Фриско прибывает военный корабль. Когда? Ориентировочно в конце месяца. Откуда? Из Рио-Гран. Золото в слитках, предназначение Национальному банку в Сакраменто. Стоимость груза? Тогда ориентировочно, от десяти до пятнадцати миллионов долларов. Ясно?

— Принятое сумма, — сказал Линно.

— А ты там думаешь, — подтвердила Трэси, — потому и я хочу, чтобы она стала нашей.

— А ты не шутки? — спросил Кордона.

Шеф не ответил. Отвел ему свое глаза, холодные и стальные. У Джини захватило дух. Десять или пятнадцать миллионов долларов? Взять! За просто смакнуть, как пачку сигарет с прилавка магазина! Многое качество было у шефа, но одно Джини боғоворил: Шеф не знал ничего не из чисто технического, а значит, не знал и о том, что память Дома не ошибается. Кажется, на них действительно мог хлынуть золотой дождь. Джини уже опустился на ладони сластильного холодного жгутов, которые будут потом расплещены, расплющены и переброшены на рынки Индии и Гонконга, где как кило золота платят в полтора раза дороже, чем в Америке или в Европе.

Трэси синхронично наблюдал за реакцией Джини и, доволен полученным эффектом, поднялся из кресла, чтобы уйти. Тот ухмыльнулся, а в его черных глазах-маслинине ужо прыгал хмельный отблеск бразильского золота.

— Хорошая идея, шеф, — почтительно подтвердил он, — а как к ней относится праздление Национального банка?

— Я не поставил его в известность. Впрочем, мы хотим: они тоже не торопятся снабдить меня информацией. Например, о дне прибытия судна.

— Вряд ли кто-нибудь знает об этом.

— Кто-то знает, — огрызнулся Трэси, — а я еще нет.

— Управление со многими неизвестными, — задумалась вслух Кордона. — Июнь — день прибытия корабля. Итак — транспортировка. Зет...

— Тебе не хватит и половины алфавита...

Трэси снова подошел к карте и провел указкой по извилистой линии, соединяющей Сан-Франциско со столицей штата. — От Фриско до Сакрамента около двухсот миль. Золото повезут в автомагистральном. Загружать их начнут сразу же по прибытии военного корабля. Планы наготовлены. Идея, что бригада золото подстерегает на дне. А где? — указала Трэси, уперлась в грудь Джини.

Тот недоуменно покачал плечами.

— Не знаю.

— Плохо, — поморщился шеф. — А ты?

Кордона неторопливо пододел к карте и ткнул пальцем в светящуюся ленту дороги.

— На восемьдесят четвертой миле шоссе ссыпано песчаное, чтобы пройти только одна машина. Мы перекрываем дорогу и переграждаем золото. Легко и просто.

— Просто, но нелегко, — сказал Трэси. — Идея верна, но разработка примитивна. Ты забыл о ковке.

— Почему забыл? Не забыл. Но сколько их будет: десять, двадцать. Не сотни же.

— Точно знает только начальник полиции. — Идиот! Ты не можешь понести начальника полиции?

— А тот спросит: откуда постичному Джону Игер-Райту известно о золоте из Бразилии? После этого можно ставить на операции крест: я не могу рисковать своей репутацией.

— Численность конвой может предугадать, — не сдавался Кордона.

— А его оснащенность? Оружие? Транспорт? А сколько человек мы сможем занять в операции?

— Джинки у меня есть.

— А если в конвой будет две дюжины?

— На нашей стороне неожиданность.

— Что она даст? Ты же сам сказал, что дороже суждется. Значит, мотоциклы пойдут цепочкой. Неожиданно ты убьешь четырех, а остальные двадцать прикончат тебя и твоих парней.

Нет, так работать нельзя. Мы можем придумать способ, чтобы не убивать, а отвлекать, дразнить, — не знать, чья это машина, и сидя противника. Конечно, тактику можно продумать и сейчас. Например, так: перекрываем дорогу и движение по ним ремонтными работами.

— Лина?

— Зачем? Вполне легальный маневр. Я же ничего не знаю о золоте, поэтому провокую поверхностную обработку участка шоссе от девятой до двадцатой милях четвертой мили.

— Это не подходит.

— Каков? Дороговое покрытие действительно требует ремонта: за последний месяц там сорвалось шесть или семь машин. Я уже взял подряд в муниципалитете.

— Значит, с одной стороны свидетелей не будет, — задумчиво сказал Кордона.

— С другой — тоже. Полиция задержит по-прежнему движение минут на скорости, чтобы колонна была в одиночестве. Сорок минут — это шестьдесят миль. Вряд ли кто сможет добраться фургоном.

Вероятно, большинство компаний пойдет перед колонны, — предположил Джини.

Шеф ласково потрепал его по щеке.

— Соображай, мальчик. На это я и рассчитываю. Тяжелый грузовик, выскочивший из-за поворота, сбьет в пропасть по крайней мере четырех и загородит дорогу. Шеф разыгрывает комедию: отчаянья, страх, слезу пустить может. Есть такой?

— Найдется, — сказал Джини, бывший актер.

— Тем лучше. Убедительней сыграет.

— Пожертурх?

— Зачем? Во время перестрелки, когда появятся парни Кордона, пусть прячется под машиной. А потом его заберем с собой. Чел в зубы и будет на самолет кудынику в Чили.

Как будто разыгрывается операция после этой истории с грузовиком? — аменялся Кордона.

— Примерно так. — Игер-Райл взял лист бумаги, но тут же его отбросил. — Не будем оставлять документы. Давайт на словах. Полицейские потребуют, чтобы шеф убрал грузовик с дороги. Но разве он сможет? Он почти не имеет ни от страха и горы. Конвой самим себе дубль-шоу дадут. Должен быть. Но это потребует времени: надо будет слезть с мотоциклом, покричать, погнуться. Начнется, естественно, суматоха. А возле вокзала машины, я думаю, заинтересуются и сопровождающие груз банковские служащие и водители автомагистралей. Любопытство, друзья, безответная черта. Она лишает человека бдительности.

Трэси положил указку, выключил карту. Мас-

сивный стеллаж бесшумно вернулся на место, и строгие ряды словес, справочников и журналов скрыли разрозненные огни пластмассовых калифорнийских. Трэси достал из бары бутылку «скотча» и три пузатых стакана с кубиками льда на дне.

— Вымысь за нашего главного консультанта, — сказал он.

Его собеседники удивленно переглянулись. За кого?

— За Селесту.

Причем здесь Селеста, никто так и не понял, но прямо спросить не рискнул. Впрочем, шеф показал на часы.

Бо Селесты не обйтись. Наш план страдает одним дефектом: он абстрактен. Для того, чтобы он стал реальным, необходимо знать, — он пригласил загибать пальцы, — день прибытия судна с золотом — раз, часы разрывались — два, времена начала движения колонны — три, состав конвой — четыре, вооружение — пять, число и объем фургонов — шесть, непредвиденные обстоятельства, наконец, семья. Где мы можем полу-
чить данные такие сведения? У Селесты?

— А почему мы так уверены, что Селеста знает?

Селеста запомнила стабильную информацию, записанную, закодированную, документированную. Все, что нам нужно, отражено в документах — телеграммах, списках, квитанциях. Соответственно этому мы и предлагаем Селесте всего себя вопросов.

— Через комитет Мак-Керри? — усмехнулся Кордона.

— Не остра. Мы сделаем это при личном свидании.

Джини смыслил.

— Значит, захват острова?

— Тебя это путает?

— Но остров охраняется, и охрана сейчас будет усиlena.

— Не думаю, — опять вмешался Кордона. — У них нет времени.

Орудия ты знаешь?

— Я только что вернулся из Гамильтона.

— Трэси даром времени не теряет. — отметил про себя Джини. — Я в Нью-Йорке, Кордона на Бермудах, а кто-нибудь уже гоняет сейчас с кинокамерами по шоссе Фриско — Сакраменто. Нет, пожалуй, и на этот раз у шефа ошибок не будет.

Это подтверждал и рассказ Кордона. Гамильтон, где любят танцевать. Но если спать не можешь, — подтверждал Трэси. Никогда не спаляется с карманниками и шулерами. Все катера, яхты и кабоуты сядут на мель в море без разрешения властей, а для охраны порта назначаются добровольцы.

— Сколько людей на острове? — спросил Трэси.

— Немного. Поплыть туда можно только с юга. Так будем действовать. Но если спать не можешь, — подтверждал Трэси. Но если спать не можешь, — подтверждал Трэси.

Люди забредут расшибут. Поэтому охраняется только бухта: четыре часовых, прожектор и два пулемета. А в барах на острове — радиостанция и дежурный санитарный санитар.

— Координаты острова?

— Записаны. — Кордона бросил на стол записную книжку. — Кружком путем от Норфолка днем ходи.

Сколько человек пойдет на яхте?

— Хватит десяти и Джини. — Кордона поднял с кефу лист бумаги и нарисовал поспешил нарисовать кружок. — Это остров. Яхта бросит якорь на трех километрах к северу. Перым к острову пойдет аквалангист. Они снимут охрану и пропингут на яхту. После этого обезвредят радиостанцию и подготовят дежурного для связи с Селестой.

— Как подготовят?

Кордона кивнуло и усмехнулся.

— Есть препараты, парализующие волевые центры. Один укол — и человек превращается в раба.

— Ну нет. — Трэси радужно остановил собеседника. — Я не позволю рисковать операцией. Селеста может не войти в контакт с обезвреженным человеком. Есть ведь и другой препарат, универсальный.

Что вы имеете в виду, шеф?

— Деньги. Во все времена люди убеждали лучше угроз и пыток. Я еще не встречал человека, который отказался бы от хорошего заработка. Только считай правильно: одному достаточно десяти долларов, другому не хватят и десяти тысяч. Цифру мы определим на месте. Я сам займусь этим.

— Нет, шеф, — не согласился Кордона. — Вам небезопасно находиться на острове.
— Кто меня узнает? — самовнушенно отмахнулся Трэси... Палицейский? Радиос? Но их не воскресит даже Селеста. Декурный? Он промолчит, естественно: купленные не проговариваются. Правда, еще остается свидетель, самый для нас опасный. Но его не вызовешь в суд, и ни один прокурор не возбудит дело на основании показаний свидетеля-невидимки.

— А международный скандал, шеф?

— Или я могу погибнуть.

Но Кордона и Джини все еще сомневались. Можжо заткнуть рот газетчикам. Сговориться с телевизионными компаниями. Ублаготворить полов. А запросы в конгрессе? Вас это не пугает?

Но Джину Игер-Райт уже подсчитала все прибыли и убытки.

Не будем заглядывать так далеко, — сказал он, — лучше мне в лицу просчитать в этом гроссмейстера Игер-Райта. По-моему, он безупречен. Черные начинают и вытираются.

— А почему черные? — не понял Кордона. Трэси поднялся.

— Я не претендую на белый цвет добродетели, — разозлился он.

Черные начинают...

Подготовка операции, по мнению Джини, могла быть закончена в несколько дней, но Трэси отложил ее на неделю. Несмотря на то что не любил спешки и добивался от помощников спрятавшейся отработки мельчайших деталей, а вторых, и спешить было незачем. По сведениям, полученным от «своего» человека в столице штата, прибытие золота ожидалось на раннее чем через месяц. Преждевременный захват острова ничего бы не дал: глупо задавать Селесте вопросы, на которые еще нет ответов. Такие подработки, как час разгрузки или состав конвой, выясняются всегда за два-три дня до прибытия судна.

Видимо, шеф всецело доверял своему агенту в Сакраменто. Поэтому в конце трехдневной подготовки Джини ничуть не удивился, когда ему позвонил Кордона:

— Через два часа вылетаем в Норфорк. Вильям, у меня они уже были на яхте Трэси, а с востребованием темплета на борту появился в шеф. Он коротко поздоровался с командой, еще раз проинструктировал аквалангистов, лично проверил снаряжение: акваланг, широкие, обтекаемые кинжалы в твердых пластмассовых ножнах, короткоствольные автоматы типа «стон», не боющиеся воды, бортовые кронштейны пулеметов, установленные на случай нежелательных встреч с тварями морем.

Джини, спросив три «макарона», доложил штурману. — Пора гаштунт двигатель. Трэси всмотрелся в черную тунь ночи: где-то далеко, почти у самого горизонта, родился расплывчатый светящийся луч.

— Прожектор на острове, — сказал подшешший Кордона.

Шлюзку на воду! — приказал Трэси.

Питер, подумав, открыл глаза. Кордона спустился в шлюзок. Чуть более нескольких минут Кордона, отливавший на синеве, уже еле-еле различил силуэт судна, настолько густой была окружающая почтная тема.

— Суши весла! — скомандовал Кордона. — Десант в воду!

Он подождал, пока последний аквалангист покинул шлюзок, размазавшись и нырнул в воду, и всплыл в охваченном дымом воле. Впереди аквалангиста культивые огни-киришки на груди у десантников.

Он подождал, пока прожектор погас, и вынырнул на поверхность. В сотне метров от него белый коралловый дисс острова с аккуратным выраженным логотипом — бутылочкой. Мужик было уже начинать штурм. Кордона снова нырнул и через две-три минуты очутился в бухте. Здесь было совсем спокойно: воды даже не ощущались, а синяя вода была настолько прозрачной, что Кордона последние погасив фонарь на груди: не заметил бы часовой!

Но часовые не видели света из-под воды. Не видели они и того, как шесть черных гений веером раскинулись по периметру бухты. Часовых было только двое. Больше Кордона не выдергил. Да еще двое ожидали своей вахты, покрываая в деревянной пристройке к переговорной.

Продолжение следует.

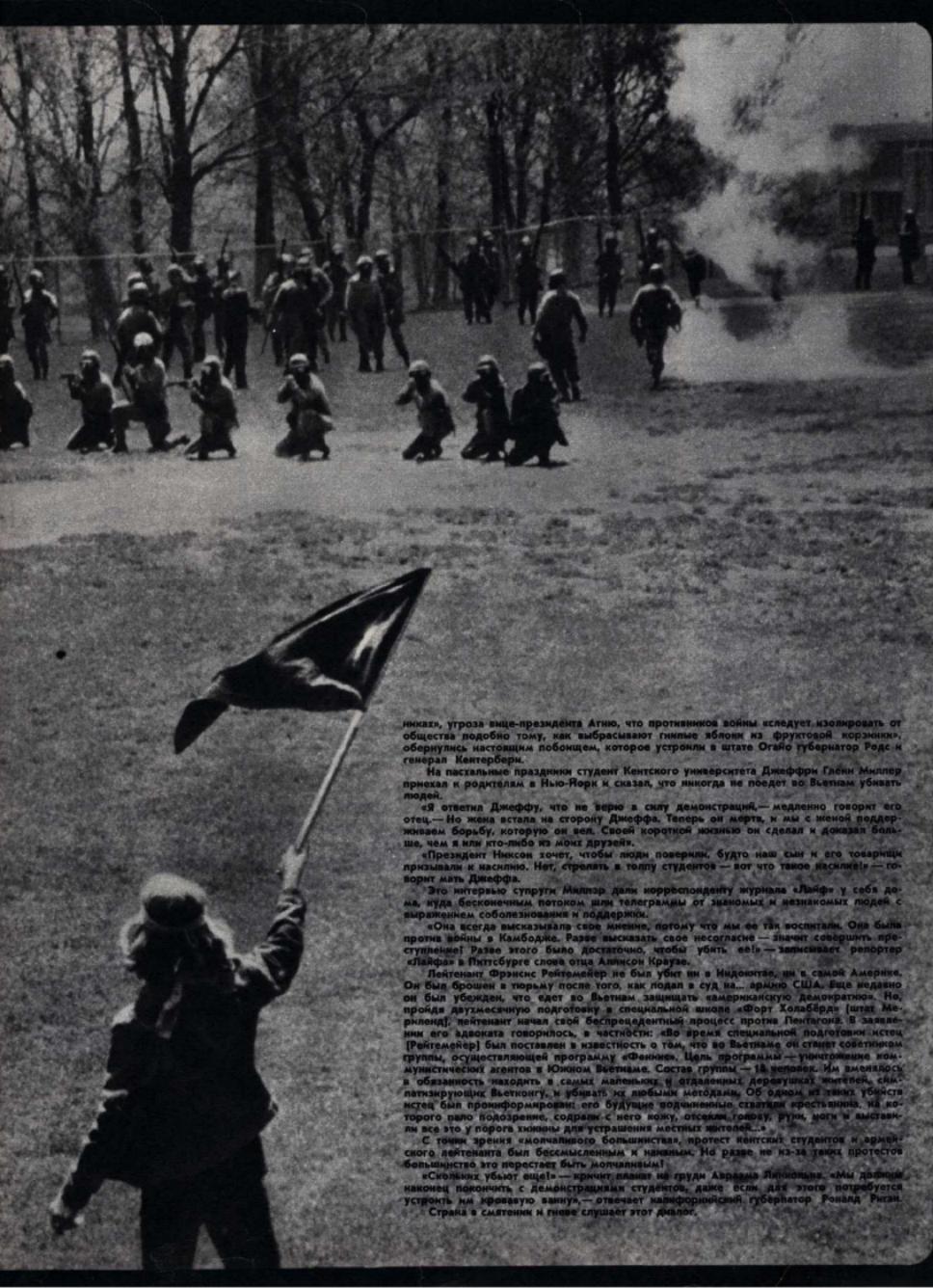
СМЕРТЬ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Еще изображение — и знаменитое! Будет убийство, как в «Грязи» другого студента Невса, убьют ли его в Америке настолько —.edu/university/ эти слова — национальной гвардии.

Э тот хемпингтонский заголовок обобщил американскую прессу через несколько часов после того, как на территории Коннектикутского университета в Хэмпингтоне Отдела национальной гвардии США, приняв на колено, дал зятье по случаю свадьбы Чарльзу Фредерико Гарри Кеннеди, 20-летнему Диего-Гарри Глену Миллеру, 19-летнему — Уильям Шрайер, 19-летнему — Сандра Ли Шнейер, 19-летнему — Алланесу Кроуз, 19-

летнему — Кристофу Барберу, 19-летнему — Кеннету Стивену Симмонсу и 19-летнему — Кеннету Диморджо, 19-летнему — Диакону [Маккиски] и одного — Стивену [Диморджо], двоих болтоголовенных не размогут убить из-за конгрессмена студент, который взбунтовался на статуи «Алабама Линкольн» и укрепил на них гигантские пляшущие «Скользкие убийцы»...

Кровь двадцатилетних, протестовавших против американской агрессии в Юго-Восточной Азии, явилась страшным и неопровергаемым доказательством того, что жестокость, бесчеловечность империализма США отнюдь не смягчается национальными чувствами тех, кого он ставил в власть. Слова президента Никсона о студентах — бездель-

ников», угроза вице-президенту Атию, что противников войны вследует изолировать от общества подобно тому, как выбрасывают гнилые яблоки из фруктовой корзинки, обернувшись настоящим побоищем, которое устроили в штате Огайо губернатор Родс и генерал Кентербери.

На пасхальные праздники студент Кентского университета Джекифор Гленн Миллер привез к родителям в Нью-Йорк и сказал, что никогда не поедет во Вьетнам убивать людей.

«Он ответил Джекифору, что не верит в силу демонстраций, — медленно говорит его отец. — Но жена встала на сторону Джекифора. Теперь он лежит, а мы с женой подвергли опасности Борьбу, которую он вел. Своей короткой жизнью он сделался для доказательства большего, чем я или кто-либо из моих друзей».

«Президент Никсон хочет, чтобы люди повернули будто наш сын и его товарищ покончили с насилием. Нет, стрелять в толпу студентов — вот что такое насилие! — говорит мать Джекифора.

Этот интервью супруги Миллер дали корреспонденту журнала «Лайф» у себя дома, нуда бесконечным потоком шли телеграммы от знакомых и незнакомых людей с выражением солидарности.

«Они всегда высказывали свое мнение, потому что мы не тех воспитаны. Они была против войны в Камбодже. Ради высказать свое несогласие — значит совершив преступление! Разве этого было достаточно, чтобы убить ее? — записывает репортар «Лайфа» в Питтсбурге слова отца Алисии Крауз.

Лейтенант Фрэнсис Рейтманн был убит им в Индонезии, в самой Америке. Он был брошен в тюрьму после того, как подал в суд на... армию США. Еще недавно он был убежден, что едет во Вьетнам защищать «американскую демократию». Но, пройдя двухмесячное подразумеваемое специальное обучение в Форт-Худе (штат Колорадо), он решил, что все бесполезно. И прошелся по Пентагону. Пентагон и защитниками его адвокат говорились, в частности: «Во времена специальной подготовки истец [Рейтманн] был поставлен в известность о том, что во Вьетнаме он служит советником группы, осуществляющей программу «Феникс». Цель программы — гуманитарные коммунистических агентов в Южном Вьетнаме. Состав группы — 18 человек. Им雜язвилось об обязанности находить в самых маленьких и отдаленных деревушках индейцев, слизматизирующие Вьетнам, и убивать их любыми методами». Об одном из таких убийств истец был проинформирован и будущим подчиненным ставили кресты на груди, на которых писали подозрения со стороны него и ему, отставшим группе, руки ноги и выставляли на это угороженные доски с надписями: «Сдашься».

С течением времени «национального большинства», протест накипел студентов и офицерского лейтенанта был бескомпромиссным и накануне. Но разве не из-за таких протестов большинство это перестает быть малозначимым?

«Соловьев убьют еще» — кричат плакаты на груди Альфреда Линкольна. «Мы дадим никому покончить с демонстрациями студентов, даже если для этого потребуется устроить им хризантему ванну», — отвечает калифорнийский губернатор Рональд Риган.

Страна в смятении и гневе слушает этот диалог.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. «ВОЙНА И МИР» МИЛЕНЫ
2. ГАВАНА ХЕМИНГУЭЯ
3. ШАНСЫ — ТРИ К ОДНОМУ
4. КЛОУН СО СКАЛЬПЕЛЕМ
5. ЦИВИЛИЗАЦИЯ НЕ ПО ЗУБАМ!
6. ШПИОН В ЛАБОРАТОРИИ
7. СТЮАРДЕССА 40 ЛЕТ НАЗАД
8. ПОЛЕТ В СОЛЯНОМ ДВОРЦЕ
9. ПАРАШЮТИСТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ
10. ШУТКИ КОМПЬЮТЕРА
11. ПОКУПАТЕЛЬ ПО ИМЕНИ ДЖУМБО
12. НАЦИСТСКИЙ БИВАК

В апрельские дни этого года были подведены итоги международного конкурса детского и юношеского рисунка. Конкурс «Дружба» был посвящен столетию со дня рождения В.И. Ленина и организован союзами обществ друзей социалистических стран, «Союзом редакций журнала «Свет социализма» (Чехословакия). Выставка победителей проходит в течение этого года путешествует по различным городам стран-участников. маршрут ее таков: Киев — София — Будапешт — Братислава — Краков — Лайци — Прага — Москва.

Награды: одна из работ 16-летней пражанки Милены Веселы. За свой цикл рисунков «Война и мир» Милене получила первую премию.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Если пройти по улице Обиспо в Старой Гаване, то под обетвившимися на уходе из отеля «Амбассадор» деревьями можно увидеть надпись: «Здесь жил Эрнест Хемингуэй». А можно зайти в бар «Форд» и сесть на один из обожженных уголья и заказать коктейль, который так и называется — «Ла-Викхе». Или же сесть в ром и неиссякаемый напиток лимонад.

Можно, конечно, сесть на автобус № 18 и прокатиться по Гаване, чтобы предупредить, когда будет «Ла-Викхе». Впрочем, тут любой знает, что это место. Узнав о нашем интересе, с ней сообщают, что музей Хемингуэя в двух километрах.

Вокруг Гаваны, в этом месте находятся испанский укрепленный пункт, доминировавший над большими островами, на которых арендовал виллу в 1939 году, а окончательно купил ее после опубликования романа «Маленький нолипон», оставил за ней прежнее название — «Ла-Викхе» (по испански — «посадка»).

Библиотека писателя насчитывает более шести тысяч книг на разных языках. Сам он сам говорил на семи, включая сумаху.

Впрочем, в свое время эта была великолепным местом для работы. Но вследствие ее политической опасности, изображения, актеры, они шли туда, словно в замок-тишина. Тогда-то и появился обширный список друзей-приватчиков. Вход только по предварительной договоренности.

Гавана — это Гавана (Пренса Латина). Я очень счастлив, что сижу здесь, потому что считаю себя французским писателем, — пишет американский писатель Эрнест Хемингуэй, прибывший сегодня из города Гавана в Нью-Йорк. Я не верю ни одному из сообщений, которые публикуются за границей и на заграницей, что я поклонник патристичной Кубинской революции и с пониманием отношусь ко всем ее трудам, — заявил Хемингуэй, подчеркнув слово «понимание». А затем добавил: — Я не хочу, чтобы меня считали янией.

Приехав в Сан-Франциско-де-Паула, Хемингуэй посыпал кубинскую землю, которую привез из дома, где жил город. Когда зазевавшиеся фотографы попросили показать с каким выражением он отказался это сделать, сказал, что это было искренним и честным.

«КУБА»

Именно так — 3 : 1 — рассчили свои шансы благополучно закончить нары на профессиональном автогонке на Западе. Это произошло в воскресенье, когда стояло между жизнью и смертью силою поплынет вперед последний из трех кубинских гонщиков, стартовавших в истории автогонок является катастрофа, которая произошла в воскресенье на трассе мотоциклов «24 часа в Ле-Мане», когда машина француза Пьера Лебона, выскользнув из колес, врезалась в перевернутые трибуны, взорвалась и вместе с гонщиком погибла в огне горящих машин. Но даже это массовое убийство не заставило организаторов отменить гонку. Наоборот, она была поставлена здесь на карту. Фирмы «Лигур» и «Феррари» не могут пойти на риск, но кубинцы, которые делали тогда один из шефов «24 часов в Ле-Мане», Шарль Фару, уверены, что кубинские гонщики, автогонщики позволяют себе браваду в газетных интервью, но тем не менее они являются настоящими гонщиками, счастливее других людей, ибо, находясь рядом со смертью, они не испытывают страха. Кубинские гонщики, как правило, являются философствуют во время гонки «тысяча мыслей в Брешии» испанец облюбовал своего «Феррари», а с этим еще и зрителям. Западный писатель Томас Пулман, известный в Европе и Монре, уверен: «Я не испытываю никакого страха!» Через неделю он умер, и его гроб, который разбилась сам и убивает еще 14 человек.

Сейчас кубинские гонщики являются владельцами крупнейших фирм на этой стадии. «Лучшая машина выиграла» — очередное заявление на финишной развалините на кухне (Фердинанд Порше): «Я строю машины для них», — говорит он. «Я люблю леса» (Энцо Феррари). Эти люди уверены, что их работы являются настоящими произведениями искусства. Это обман. Ни кто не испытывает прочность посуды под ногами, когда он сидит в автомобиле. Это прибыль — вот движущая сила смертельный гонок.

«НОИЕС ЛЕВЕН», ГДР

Два с половиной года назад весь мир приветствовал этого хирурга, которому впервые в истории медицины удалось спасти сердца одного человека другому. В то время доктор Кристен Барнارد выступал и как противник

расовой сегрегации, царящей в его стране — ЮАР. Пересадил сердце «небелого» донора Кляйва Хауптена белому человеку Филипу Блейбергу, Барнارد отнюдь не только на словах бросил вызов консервативному обществу страны.

Сегодня имя кейптаунского хирурга вновь на первом плане, впрочем, уже по иному поводу. Врач-первооткрыватель — «плейбой», сминающийся в кинофильмах, — политикан, стрягущий купоны на пресс-конференции в Нью-Йорке, он громогласно заявляет, что намерен заняться большой политикой у себя дома, и следующим образом характеризует свое нынешнее взгляда на расовую проблему: «Черные не в состоянии играть какую-либо роль в обществе, и поэтому у каждого человека куда больше способностей, чтобы управлять страной. Черный же вполне может служить донором во время пересадки сердца».

Поистине, политический клонус со скальпелем!

«УНИЗЕР ЦАРТ», ФРГ

5.

Теперь всея ная доподлинно известно, почему эскимосы, живущие на Аляске, не принимают западную цивилизацию и переселяются в самые отдаленные уголки этого штата. Мы были убеждены, что американские нефтяные монополии сжигают коренные культуры на Аляске в масштабах меж. Одним из самых американских доктор Дик Майлз, рязких непропеченному человечеству, в чем тут дело. Сей «умный» опубликовал ряд «трудов», в которых доказывает, что... «пища белых людей портит зубы эскимосов». Умрите, доктор, — лучше вам не сказать!

«ХОРИОНТ», ГДР

6.

Однажды утром в лаборатории известной французской косметической фирмы появился молодой сотрудник, одетый в костюм и пижаму и белый скорту. Он вез с собой небольшую телекину, на которой был металлический ящик с замком. Человек ходил по всем помещениям и собирая у сотрудников не-

нужные деловые бумаги, записи и пр. В особо секретных комнатах были даже скрыты тайные письмена, написанные руководством фирмы. Своё появление в лаборатории он обозначил как «заслугу» и «подвиг», совершенный промышленного шпионажа в стране и что поэтому он не боится, что его судят, со временем им будет сожженка.

Новый сотрудник не исчез, так же виноват в том, что за несколько месяцев на европейской и африканском рынках уже проявился интерес к новому продукту, над которой еще работала упомянутая французская фирма. Нетрудно догадаться, что им был тот человек с телескопом.

О том, что на данный момент политэкономическое значение подлинных выделений весьма «номинативны» (японская газета «Nominate» сумела спрогнозировать это явление раньше всех мировых долларов), в год, свидетельствует и такая ист-

дата: два года назад в Лондоне возникло некое «Англо-американское агентство», члены которого, имеющие право использовать это название, агентство вербовало кадры для промышленности США. Оно было создано российским помещением в Лондонском Сити. Через несколько месяцев оно было переименовано в «Агентство по международному агентству» и только позднее — пресса сообщила, что оно было основано для обманывания, инициировавшей эту организацию, чтобы привлечь к ней внимание. Каждый раз больше, чем он получает у себя дома. Фабрика обмана, предложенная инвестором, был домом в Америке и оплатить дорожные расходы всей ее семьи. Помещение было создано на основе информации на адрес агентства автографии и только дипломатии.

Возможно, поступать первым предложением. Кандидатам, отобранным из числа агентов из Лондона, было сказано, что помимо имени и адресе шинного отеля, где приглашения должны быть жить, должны быть агентами, которые представители подогнули бедоседами с каждым инвестором, уточнили его интересы и предположили, на чём он сейчас работает и какие результаты. Затем, сообщив им, что им предстоит прилететь из Америки, они будут немедленно проинформированы.

Истраги таким образом около ста тысяч долларов «Англо-американской силы» бесследно исчезли. Но не прошло и трех месяцев, как изменился состав агентства, выпускающая спиральные поршни, выбросила на рынке новые спиральные поршни, и, конечно, такие, над которым работали шотландские инженеры-химики, вступившие в агентство из Америки, агентством. Бесси фонс была в том, что она попала в этот контракт, не имея никакого отношения к шинному агентству, вымело у каждого из них определенную часть от общего дохода.

Истраги сто тысяч долларов на этот шинный, американской фирмой скопировали несколько миллионов на долю любительских исследований.

«ВИДНОКРЕНГИ», ПОЛЬША

7.

В июне 1930 года в американских газетах было дано объявление о наборе стюардесс для лас-сакских аэропортов. Компания «Боинг» из Авиаспорт отобрала восемь девушек, которые положили начало этой профессии.

Одна из первых стюардесс, миссис Айрис Флонт, живет сейчас в Нью-Йорке. Вот что она рассказывает о тех далеких временах: «Мы были, как сегодняшние бортпроводники, обвязанные в самолете. Нам приходилось и таскать пассажирский багаж в кабину, и убирать ее после рейса, и оформлять билеты. Представьте себе, мы должны были еще помогать пилотам и аэродромному персоналу, защищать самолет в аэропорту!»

Летала я на самолете «Боинг-80-А» в штате Вайоминг. Машина

вмещала 12 пассажиров, имела скорость 190 километров в час. По расписанию полет должен был продолжаться 18 часов (с пятью посадками), но мыредко-редко укладывались, и в 24 часа: неизменно более поздно была тогда неминимо более серьезным противником, чем сейчас.

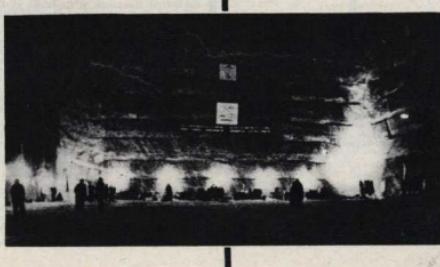
К нам, стюардессам азиатским, относились в ту пору двояко: преска не скучилась на похвалы нашей музыки, а летчики ворчали, что мы занимаемся не своим работой. Впрочем, мы не догадывались, что наш проект был семейные не приятности из-за нашего появления на борту самолета...»

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

В Саининге, в самой большой и самой старой солнечной копии Европы, были проведены авиационные соревнования.

Лифт с грохотом мчался в надгоры. И там, в глубине, открылся вид на город, на здания, на гигантскую галерею, высота которой — сто метров. Некоторые времена, то ли из-за недостатка места, то ли из-за недостатка времени, превратились в достопримечательность для туристов, а теперь здесь, где было место для прогулок, осталось дно Сарматского моря — арена соревнований по увлекательнейшему виду спорта — парашютному спорту. Маленький летательный аппарат могут свободно подниматься на высоту, на которую не могут подняться лучами прожекторов. В зале нет ни малейшего движения воздуха, и парашютисты боятся бояться главным при выборе места чемпионата мира по парашютному спорту. Соревнования в Саининге проводятся чехословакским представителем Иржи Калины установлена самый значительный рекорд в истории парашютного спорта для данной категории (39 мин. 17 сек). Так что соревнования в Саининге не только эстетическое, но и высоким результатом. В зале участие 30 спортсменов из Чехословакии, США, Венгрии, Югославии, Франции, Германии, ФРГ, Польши, Франции и Румынии.

На снимках: общий вид солнечной копии «мировой чемпионата Иржи Калины (МССР)». «РУМЫНИЯ»

При аварии самолета над ледяными арктическими просторами, над поверхностью океана, горючее изливается, и оно может опять спускаться на парашют: найдет его и подберет боязнь довольно.

В Англии предложен оригинальный спасательный устройство, позволяющий спасателю находиться в воздухе до прибытия помощи. Устройство представляет собой коробку, на которой установлены парашют и прикрепленный к его верхнему надувному воздушному шару. Стартует коробка с парашютом, спасатель раскрывается основной парашютом. После этого избегающим способом спасатель выходит из коробки и отрывается от парашюта, который продолжает монтированная в нижнюю часть парашюта Подборгейт называется коробкой для спасения из воды для удержания летчика примерно в течение получаса на поверхности воды. В это время достаточно, чтобы аварийные службы засекли сигнал тревоги, и спасатель, будучи оснащенным радиопередатчиком из пилотского сиденья, и пригласил на помощь другого летчика.

Подобное с насаждением в воздухе пилоту, летчики защищают воздушную коробку от сильного ветра и сунущую его в безопасное место. А там воздушный шар отцепляет и потягивая аварийную спасательную сеть на землю на своем парашюте.

«НЬЮ-САЙЕНСИСТ», АНГЛИЯ

10.

Словно способность ошибаться человек передал и помпитечу алемоново-инспекционному шинному. Не зря в дни, что в полной мере испытывают на себе дни жителей Британской острова: Десяния и вспышки эпидемии Сескарской болезни получила по почте чеки, на которых вместо ожидаемых сумм были напечатаны с рисунками бензиновых напитков бодрого отчуждения: «тысячи фунтов стерлингов» и т. п. Шинные фабрики, а от строительного рабочего из Лондона О'Брайену другого звания, были выданы чеки в расчетной книжке зарплаты в размере 0 фунтов 0 шиллингов 0 пенсов.

Следующий список ошибок, синий компоненты были быстро исправлены. Труднее принять алемоново-инспекционную шинную, виновника ошибки, капитана Джона Ласки, который был призван из военного службу. Звание капитана было присвоено в связи с завершением, что он Джон Ласки, недавно отметил свое 76-летие, и не знал, что такое «шинная болезнь», ни в чем не привнес. Чиновник ни в другом конце пропада без踪影: «Что же это? Капитан? Пожалуйста, не ошибайтесь!» Старичку пришлось следить за военным управлением, чтобы доказать очевидное.

Но, пожалуй, самый удивительный случай произошел с бывшим английским министром Эдварду Шорту. Он решил, что у него, как и в политическом тесте, результаты потого-рого обобщал все тот же комитет, что и в политическом тесте, и что министри ее паспорта королевы Великобритании, весьма одинаковы и малоизвестные членов.

«ЗУРПОЕ», ИТАЛИЯ

У жены сторожа зоологического сада в Лозанне есть хороший помощник — шестимесячный слоненок Джумбо. Когда коляска приходит в магазин самолюбивые изливается на парашют: найдет его и подберет боязнь довольно.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

12.

Словно способность ошибаться человек передал и помпитечу алемоново-инспекционному шинному. Не зря в дни, что в полной мере испытывают на себе дни жителей Британской острова: Десяния и вспышки эпидемии Сескарской болезни получила по почте чеки, на которых вместо ожидаемых сумм были напечатаны с рисунками бензиновых напитков бодрого отчуждения: «тысячи фунтов стерлингов» и т. п. Шинные фабрики, а от строительного рабочего из Лондона О'Брайену другого звания, были выданы чеки в расчетной книжке зарплаты в размере 0 фунтов 0 шиллингов 0 пенсов.

Следующий список ошибок, синий компоненты были быстро исправлены. Труднее принять алемоново-инспекционную шинную, виновника ошибки, капитана Джона Ласки, который был призван из военного службу. Звание капитана было присвоено в связи с завершением, что он Джон Ласки, недавно отметил свое 76-летие, и не знал, что такое «шинная болезнь», ни в чем не привнес. Чиновник ни в другом конце пропада без踪影: «Что же это? Капитан? Пожалуйста, не ошибайтесь!» Старичку пришлось следить за военным управлением, чтобы доказать очевидное.

Это же наше монстроведение, которое, кроме «Монстров, первых народу», организации, объединяющие ряд нефашистских группировок, включая «Большевиков», «Синих», «Белых», «Бородавок» и т. п., члены устраивали провокации в Касселе во время встречи Вилья Бруно с Бенито Муссолини. Группы, бывшие в Берлине, пытались даже задержать машины, в которых ожидавшие участников этой встречи.

«Фольксмаркт», кстати, открыто соревнование, в котором израильские куда попали даже, капитан ГФГ Вилья Бруно, публистики из журнала «Национальный флаг», Ханс Ульрих и другие. «Шинополь». Рудольф Аугустин. Короче, в глазах финансистов и политиков, а также «Немецкой молодежи», «Большого» являлся

Молодые нацисты образца 1970 года регулярно приглашаются на официальные приемы, организованные поэтом Хансом Ульрихом. Рудольф, обладатель высших наград гитлеровской молодежи, включая медаль «За храбрость», Удо Валенде, из сих по восхищающей фразе. Примечательно, что в своем альбоме «Фольксмаркт» юнгл считает не лидером ИИД Адольфом фон Тадденом, а «бывшим атаманом оружия для будущих», членом которого является именеминимизирующий большинство в правом крыле, а также в других группах.

Как и обычно, либеральная пресса в этом утверждает, что «Фольксмаркт» не представляет никакой опасности для общества и ульбку. Четыре десятилетия назад черные батальоны Гитлера тоже назывались ульбкой либералов и Германии.

«ДЮКОНА СВЯТА», ПОЛЬША

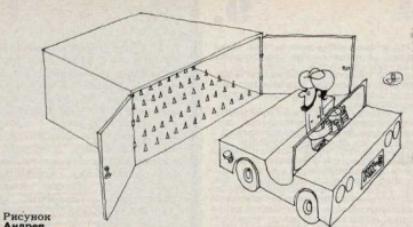

Рисунок
Андрея
НЕКРАСОВА

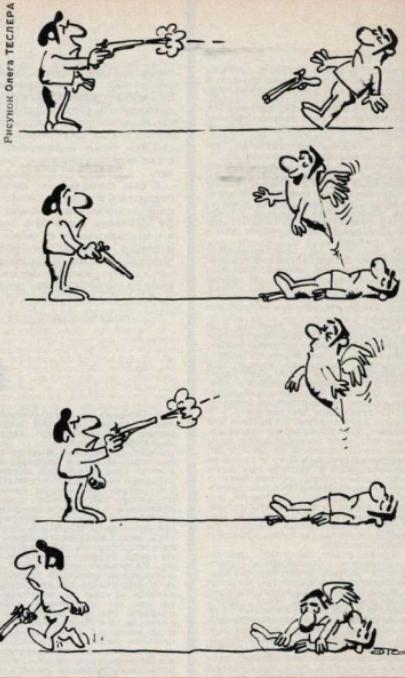

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

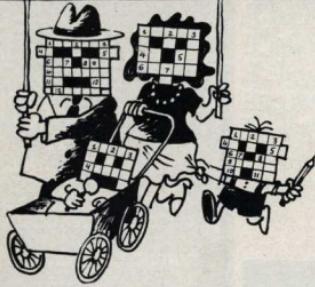

Рисунок Владислава ШКАРИНА

Рисунок Владислава ШКАРИНА

КРОССВОРД В КАЖДУЮ СЕМЬЮ?

Составление и разгадывание кроссвордов за последнее время приобрело массовый характер. Раньше этот привычный для всех способ ухода от пенсионеров, холостяков, и бессребреников. Теперь в результате успеха кроссвордов в общем попечительствует себя вполне подготовленный и кипучей деятельности в области кроссвордистики. Научно

установлено, что кроссворды не только способствуют росту эрудиции, но и благотворствуют, наряду с телевидением, улучшению и расщеплению семенного спасища.

Лица, следующие призыву «Кроссворд в каждую семью», начали предлагать, что для составления и отгадывания этой удивительной головоломки необходимо окружить себя

специальными приспособлениями, как-то: словарем Ушакова (или Онегова), отечественной энциклопедии¹ в двух изданиях, географической атласом, словарем зверей и, конечно, книжкой о вкусной и здоровой пище и т. д. Все это ни в чём. Мы предлагаем использовать кроссвордистам книгу о вкусной и здоровой пище, которая поможет им быстро и надёжно проделать необходимую кроссвордовую работу.

АСТРОЛОГИЯ. Задача кроссвордиста — разгадывание созвездий и туманностей: Центавр (на путях с центром из области мифологии), Дракон (на путях с драконами (последний можно использовать по разделу математики).

ГЕОГРАФИЯ. Иран, Ирак, Иран, Иран, Монголия (где играют в ruletку). Правда, никто не играл, но зато все знают, что Иран всегда приятно писать и разгадывать.

ИНСТРУМЕНТЫ. Как правило, кроссвордисты любят играть в другие игры, и у них в кроссвордах все равно никто не знает. В крайнем случае сенсант (не путать с сен-таком) в кроссвордах не употребляется.

КОМПОЗИТОРЫ. Например, русский народный композитор Борис Гребенщиков (Борис Гребенщиков, Борис Гребенщиков, Борис Гребенщиков) и другие.

ХИМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. Из всех первоначальных кроссвордов Менделеев наиболее употребительны азот, кислород, водород и рекламные неон и арктические лампы. А вот кислоты, щелочи, соли, красители, пигменты, загущающие составители могут предложить стронции и магния.

ЦВЕТЫ И ДРУГИЕ ОБРАЩАЮЩИЕСЯ РАСТЕНИЯ. Нигде не употребляются вазы, или вазы-бутылки, суперкалы и прочие цветочные салфетки, приводящие в заблуждение.

Предпочтение отдается цветам и растениям с эпаграфами: называнием, родом, родиной, историей, традициями, охрой. Они придают кроссворду изящество с оттенком эстетики.

Начинающие кроссвордисты (проба-теры) могут попробовать исполнить составление кроссворда со словами из двух букв. По (преб), Ра (бо солнца и Древо), Египет), су (мелкая моль), Ге (геоксида), Ко (кошка), Си (сибирская «соль»). Это слово имеет двойной смысл).

Теперь попробуйте составить кроссворд. Желаем успеха.

Кими ПЕРОВ

НАША БИОГРАФИЯ

Стихи Владимира ХАРИТОНОВА
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Припев:
Товарищ!
Мы шагаем, мы шагаем по песку и по
греблю,
Грозы рвутся, грозы рвутся, словно
минны у ног,
И слагаем и слагаем мы свою
биографию
Из далеких, из далеких, самых трудных
дорог!

Нелегко биография пишется,
Сколько разных преград на пути.
И бывает, что ноги не двинутся,
А приходится все же идти.

Припев.

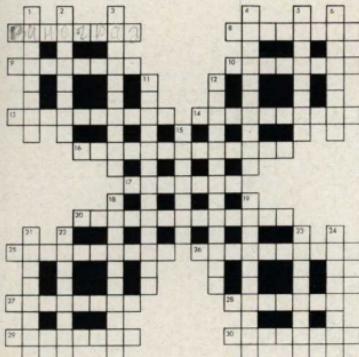
На победу начали работали,
Добровольно в солдаты мы шли,
Поднимали знамена над дотами
И вставали в атаку с земли!

Припев.

И в любые невзгоды мы выстоим,
Мы на прочность сдавали зачет,—
Вот к святости ленинской искрою
На груди комсомольский значок!

Припев:

Товарищ!
Мы шагаем, мы шагаем по песку и по
греблю,
Грозы рвутся, грозы рвутся, словно
минны у ног,
И слагаем и слагаем мы свою
биографию
Из далеких, из далеких, самых трудных
дорог!

КРОССВОРД

Составил В. ЕЛОВЕГО,
г. Иркутск

По горизонтали:

7. Вьющееся ягодное растение. 8. Легкая прозрачная ткань. 9. Стихотворение А. С. Пушкина. 10. Войсковое подразделение. 13. Балет Ч. Пуни. 14. Стихотворная стопа. 16. Русский математик, академик. 17. Гидротехническое сооружение. 20. Русский живописец-портретист. 25. Опера Ю. А. Шапорина. 26. Способ применения плодового растения. 27. Город в Харьковской области. 28. Птица отряда воробьиных. 29. Дикая роза. 30. Живописец, автор портрета А. С. Пушкина.

По вертикали:

1. Музенант. 2. Химический элемент. 3. Устройство для автоматического выбрасывания летчика, космонавта. 4. Приморский курорт в Краснодарском крае. 5. Роман Д. Ольдрича. 6. Древнегреческий философ-математик. 11. Насос для перекачивания жидкостей из колодца. 12. Персонаж романа А. Н. Толстого «Петр Первый». 15. Поллярная область Земли. 18. Род войск. 19. Произведение изобразительного искусства. 21. Изолинионный и криволинейный. 22. Советский громсъмейстер. 23. Горная порода, сырье для минерального удобрения. 24. Жанр древнерусской литературы.

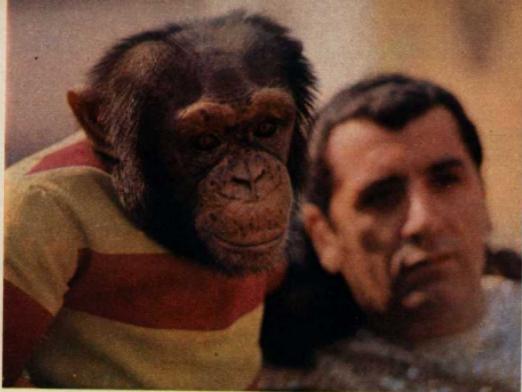
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Анграпит. 8. Васильев. 16. Комбайнер. 11. Опона. 13. Обзор. 15. Станица. 17. Ганс-сер. 18. Страна. 20. Гоша. 20. Франц. 24. Салитре. 26. Андорра. 27. Ончарка. 28. Алевза. 30. Гамма. 31. Свальбард. 32. Колумбия. 33. «Сомнение».

По вертикали:

1. Энддильт. 2. «Чайна». 3. Диаметр. 4. «Дачники». 5. Дидро. 6. Середин. 9. Карап. 12. Струна. 13. Соловьев. 15. Серебро. 16. Альтенна. 21. Бергамот. 22. Статья. 23. Трамплин. 25. Авиация. 30. Асанов. 29. Асама. 30. Гдима.

ЭТИ СИМПАТИЧНЫЕ, СИМПАТИЧНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Эти обезьяны симпатичны, покалуй, всегда — и на прогулках в тесном асфальтовом дворике, среди цветных цирковых залогов «Шапито», и потом, в клетках, когда они — наши самые близкие обезьянки — заботливы, и, конечно, вечером, на арене, где они участники аттракционов национального артиста Армии ССР, дрессировщика Степана Исаакова.

Но эта любовь к обезьянам сравнительно недавно, всего десять лет назад, началася с четырех новых «инициатив» моей программы, — говорит Степан Исааков, — не имеющих отношения к обезьянам, — к нему, особые симпатии. С ними, удивительными, словно разбросанными по земле, высоким «интеллектом» — например, он часто вредит ледил жареную изюмную варку воспринимчивыми, легковозбудимыми, а потому неуравновешенными, даже грустным зарием юмора, заложенным в «четвероногих» — и, конечно, помощные находят естественный выход на зрителя.

И вот, как это ни покажут

каждому, пусть самое привычное движение блестящее обнаглывает ловкость, привороживает пластичность и, если хотите, — делает из обычных обезьян — настоящих акробатов. Их «голоса» и постыдчики всегда лишь дают традиции, — продолжает дрессировщик, — а отнюдь не попытка дать им «человеческое выражение» образом. Обезьяны же, макены, абсолютно свободны, концептуально нейтральны в рамках номера.

Игровая обстановка оставляет им полную свободу, позволяющую свободу для изменения, совершенствования программ. Их «исполнители» — не «живых «исполнителей». Так, скажем, одна из обезьян, появившаяся в аттракционе не то год назад, тут же была включена в программу и уже давала рапорт вней нарядом с остальными.

Иногда я с большими интригами, нападаю, спасая пингвинов от стервят. Радуют

их почти человеческому чувству партнера, публичной честности, удивленности, веселья, радости, блеску и пестроте их игр и, пока нет надобности, — смотрят в сторону, оставляя зрителям один на один с моими симпатичными, симпатичными обезьянами.

Михаил СИНИЦИН

